

Василий
Тадарков

Авантюра
банюта
и кровь

16+

Василий Боярков

Авантюра, валюта и кровь

«Автор»

2019

Боярков В.

Авантюра, валюта и кровь / В. Боярков — «Автор», 2019

ISBN 978-5-532-97394-7

Спасая смертельно больную сестру, на операцию которой требуется полтора миллиона долларов, Хлоя Карен Сидни вступает в авантурный сговор с американским проходимцем Майклом Мэссоном... Вдвоем они беспардонно грабят русскую мафию и ловко похищают три миллиона долларов. Успев оплатить лечение, самоотверженная девушка и случайный подельник попадают под жесткий прессинг неумолимых бандитов. Для того чтобы сохранить себе жизни, им требуется вернуть сумму, вдвое превышающую похищенную. В поисках денег они ввязываются в увлекательные, но очень опасные предприятия.

ISBN 978-5-532-97394-7

© Боярков В., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Глава I. Хищение миллионов	5
Глава II. С чего все началось	11
Глава III. Подготовка	16
Глава IV. В кабинете у следователя	21
Глава V. В офисе русской мафии	28
Глава VI. Сделка	34
Глава VII. Несбыточные планы	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Василий Боярков

Авантюра, валюта и кровь

Глава I. Хищение миллионов

В конце октября 2018 года в московском аэропорту Шереметьево случился неприятный ажиотаж, и все специальные службы находились в состоянии полной мобилизованности. Повышенная нервозность являлась вполне объяснимой: ожидался чартерный рейс, прибывавший прямым из Нью-Йорка и перевозивший ни многим ни малым, а ровно три миллиона долларов.

Обеспечение сохранности денежных средств приводилось в состояние готовности номер один. Обычно похожие рейсы представлялись делом вполне обыденным – но не сегодня! В сложившейся ситуации нельзя было допустить ни единого, даже малейшего, промаха: по существовавшей традиции, в случае провала, исчезнувшая сумма делилась на охранные предприятия, занимавшиеся безопасной переправкой, а лично транспортировщики ничего не теряли. Однако сейчас всё выглядело немного иначе. Ценный груз оказался не застрахован, потому как перевозились деньги, добытые нечестным путём и предназначенные, для того чтобы сперва их легализовать, а затем незатейливо пустить в оборот преступных организаций. Хотя существовавшая схема и считалась идеально продуманной, и давно наладилась русской мафией, не допускавшей и мысли, что найдётся какой-нибудь недальновидный тупица (общая практика так сложилась, что обычно «переброска» проходила, если верить русской поговорке, без сучка, без задоринки), но, опять же, не в настоящем, конкретном случае...

То ли случайно, а то ли и на беду тем же самым рейсом, организованным между Североатлантическими Соединёнными Штатами и Центральной Россией, в салоне первого класса перелётал некто, зарегистрированный (по документам) как Майкл Мэйсон. На самом деле он слыл проворным вором-мошенником и от рождения именовался Мишиным Михайлом, по отчеству Яковлевичем; среди американских гангстеров прославился в качестве Майкла Мэссона и считался отъявленным прохвостом-авантюристом. Вот и сейчас, осуществляя посадку в заокеанский рейс, он умудрился поменять в привычной фамилии всего одну букву и благополучно сделался совсем иным человеком.

Всего в самолёте присутствовало одиннадцать пассажиров, посчитавших нормальным заплатить сорок тысяч долларов, чтобы лететь в немногочисленных, зато комфортных условиях. Помимо них, присутствовало десять человек, обеспечивавших охрану ценного груза, и пять человек командного персонала, в том числе и пара пилотов.

Во время пути, приземляясь во Франции, сделали плановый «дозаправ», позволив пассажирам размять затёкшие кости. И разве только прилежные инкассаторы, охранявшие долларовые запасы, не решились отлучиться с «коронного места». Они находились в отдельных помещениях, и незаинтересованные путешественники, за исключением корабельной obsługi, не догадывались об их возможном существовании. Заполнение баков прошло без видимых осложнений, и пришло время двигаться дальше. Все, кто отважился покинуть салон, поднялись на борт, и заняли ненадолго оставленные места. Летательный аппарат уверенно, но плавно набрал высоту и продолжил маршрут, назначенный к перелёту. Посадка планировалась в аэропорту Шереметьево, но внезапно поступил категоричный отказ, как объяснялось, «ввиду загруженных линий». Заокеанскому самолёту пришлось перегруппироваться и развернуться на Внуково.

Смена курса заставила одного из попутчиков занервничать более всех остальных, хотя годы усиленных тренировок выработали в нём ценное качество – никак смятенных чувств не

выказывать. Настало время обратить на странноватого человека внимание чуть-чуть подробнее...

Майкл Мэссон считался аферистом средней руки, в узком кругу «специалистов профессии» добился немаленьких результатов и пользовался значительным криминальным авторитетом; он ловко обыгрывал хитроумные махинации, в результате чего посидеть за решеткой ему довелось лишь единственный раз, хотя за ним водилось не менее пятидесяти успешно прокрученных комбинаций (из числа известных полиции, но бездоказательно ею проваленных). Особо следует отметить – новоявленному комбинатору везло, ну! просто невероятно. Подмечались удивительные случаи, когда прицельная пуля пролетала мимо лишь потому, что Майклу приспичивало либо подтянуть ботиночные шнурки, либо поднять замеченную монетку. Да, всегда появлялись недовольные, настойчиво желавшие лицезреть его мёртвым, но по каким-то непостижимым законам тому всегда удавалось их убедить, что умирать ему пока ещё рановато.

Говоря о симпатичной внешности, выглядела она приятной, не трогалась зрелостью и выдавала представителя сильного пола, достигшего лет двадцати осмью. Молодой мужчина, он выделялся высоким ростом и обладал спортивным телосложением; красивое лицо, продолговатое и худое, густые чёрные волосы, зачёсанные назад, выразительные глаза, по цвету карие, по природе хитрющие, смуглая гладкая кожа – все перечисленные характерные признаки указывали, что представитель преступной профессии мог бы сделать успешную карьеру киноактера. Но!.. То ли похожий вид деятельности не слишком ему и нравился, то ли тяга к авантурным приключениям пересиливала другие потребности, однако иметь дурную славу его устраивало гораздо больше, чем добиваться хлеба насущного честными заработками. Недаром он любил приговаривать: «Обладать красивым телом – ещё не значит располагать предприимчивыми мозгами, и навряд ли кто-то из тех, кто бездумно сверкает на подиумах, достоин достигнутых званий». Одеваться привык в ковбойскую кожанку, модные тёмно-серые джинсы, эффектные казаки-ботинки, ненавязчиво позвякивавшие железной цепочкой, и фетровую шляпу, изготовленную на американский манер и отмеченную коричневатым окрасом.

В силу приятной наружности, возле него всегда крутилась какая-нибудь очаровательная милашка, едва ли доходившая до двадцати, как максимум, двадцати пяти лет. Оно и неудивительно: во-первых, в «глубоких карманчиках» всегда шуршали валютные ассигнации, многочисленно ёмкие и добытые с неиссякаемого источника (что для большинства является причиной немаловажной, а в исключительных случаях, возможно, и главной); во-вторых, нескончаемые идеи никогда не давали скучать; в-третьих, непредсказуемый характер мог привести заместо России, ну, скажем, в Австралию; в-четвёртых, Михаил считался неотразимым красавцем. При перечисленных признаках редкая обворожительная прелестница могла равнодушно проследовать мимо, чтобы не задержать на нём затуманенный взгляд, где-то восхищённый, а в чём-то и зачарованный.

Так вот, возвращаясь к последнему предприятию, когда поменялся назначенный курс, Мэссон немного занервничал. Заодно изобразил до крайности недовольного пассажира, которому интересно, что же явилось натуральной причиной корректировки нью-йоркского рейса, обычно «Аэрофлоту» несвойственной? Осуществляя идейный замысел и отобразившись досадливой мимикой, пронырливый пройдоха окликнул молодого стюарда. Постарался поэффектнее разыгрывать встревоженное волнение (что получалось, по правде, довольно неплохо), а следом он обратился с насущным вопросом, прокручивая различные варианты последующих событий:

– Что-то происходит? Почему мы совершаем посадку во Внуково, а не, как намечено, в Шереметьево? Меня дожидается один человек, я же – напасть! – не смогу предупредить его о смене маршрута... батарея в мобильнике села.

– Мы можем предложить Вам бортовой телефон, и вы успешно всё согласуете. Пока ожидаете, наша компания предоставит комфортные условия и постарается устранить любые неприятности, какие способны возникнуть – скрасит, так сказать, общую утомительность.

– Хорошо, – плутоватый пассажир раздражённо заёрзал, паникуя совсем неподдельно, – давайте ваш аппарат и предоставьте спокойно поговорить.

Мишин прекрасно знал, что всякие разговоры, ведомые в самолёте, мало того что прослушиваются, так они ещё и записываются. Поэтому, по понятным мотивам, он вознамерился говорить зашифровано:

– Кара, привет! Это я... Майкл. Понимаешь?.. Тут такое, по сути, дело... нам резко поменяли конечный маршрут, и мы подлетаем ко Внуково, а не, как условились, в Шереметьево.

– Я в курсе, – последовал простой и лаконичный ответ, не столько его удививший, сколько шокировавший.

– Но как?.. – изумился Майкл полученному ответу. – А как же предварительные договорённости – нам придётся всё поменять?

– Всё остаётся так же, как прежде, просто на виллу поедет с другого аэропорта – только то и всего! Дошло, наконец?!

– Думаю, да, – незадачливый аферист вдруг понял игру, ведомую преступной напарницей, – а ждать мне где, в кафе или в общем зале? Я бы предпочёл посидеть немного в кафе.

– Так в точности поступай, – ответил ласковый голос Карен.

Едва самолёт приземлился, Мишин бдительно заострился, что неподалёку находится старенькая модель классических «Жигулей». На ней, сексуально выгнув прекрасную спину и запрокинув не менее бесподобную голову, прямоком на капоте сидела обворожительная блондинка. Майкл узнал белокурую бестию, отчасти любимую девушку, а в идеале лукавую компаньонку. Она не шла ни в какое сравнение ни с одной из представительниц прекрасного пола, доселе Мэссоном когда-либо виденной. Он считал себя немалым везунчиком, раз ему удалось подцепить столь миловидную пассию, а главное, удержать её рядом. Хотя опытный проныра не выглядел тупым идиотом и (как он думал) давно уже понял, что конкретно двигало шикарной прелестницей, – неумная тяга к волнительным приключениям, авантурным махинациям и крупномасштабным аферам.

Останавливаясь на внешних особенностях, голубоглазая прелестница была настолько хорошенькой, что завораживала, притягивала, как будто манила, не позволяя оторваться восхищенному взгляду. Милая девушка достигла двадцать два года (ну, может, и с половиной?) и всем очаровательным видом воплощала несравненную красоту и природную женственность. Идеальные формы лица, не овальные и не круглые, казались исключительными и подчёркивали безупречную совершенность; и лёгкая косметика, и накладные ресницы делали вид если и не божественным, то обворожительным, дивным, а в целом пленительным. Все остальные черты: капризный носик, легонечко вздёрнутый кверху; алые губы, подкрашенные яркой помадой (пухленькие и похожие на маленький бантик); эффектная грудь, выпиравшая дразняще вперёд; стройная талия, в меру зауженная; ягодичная область, расширенная изящным сложением – все они придавали дополнительный шарм и особую привлекательность. Белокурые волосы, спускавшиеся за нежные плечи, вились заманчивыми кудряшками и скрывались под джинсовой шляпкой, элегантно сидевшей на миленькой голове. Остальной костюм, однотонный головному убору, соответствовал американскому стилю и представлялся в виде красочных брюк, плотно облегающих точёные ноги, и цветастой, разукрашенной замысловатыми узорами, куртки. Обуться она решила в ковбойские сапоги, не содержавшие молний; изготавливались они из крокодиловой кожи и выделялись высоким, едва ли не до колена, подъёмом.

Понятно, чем именно шокировался пройдоха-авантюрист и с помощью каких характеристик легко и ненавязчиво сломен, как следствие, очарован. Затем, когда ему предложили повернуть «малюсенькое», якобы нехитрое, дельце, то безропотный бедолага, совсем поте-

ривший и холодный разум, и трезвый расчёт, покорно со всем согласился; он практически не вник в основные подробности, зато в полной мере окунулся в составленные хитроумной партнёршей злодейские планы.

Итак, пронырливый авантюрист, попавший в коварные дамские сети, увидел знакомые очертания. В следующую секунду он всё отлично понял (тем и славился!) и принял решение совершать запланированное хищение, но с маленьким изменением – не в Шереметьево, а во Внуково. Надо воздать должное затейливым женским замыслам: работать здесь было гораздо проще и намного меньше вертелось российских «копов». Оба условия значительно облегчали основную часть их общей авантюрной задачи. Не вдаваясь в дополнительные подробности, Мишин приступил к назначенной операции...

Чуть только летальный аппарат совершил внеплановую посадку, молодой человек двинулся к выходу; он ненавязчиво присоединился к тем пассажирам, в чью компетенцию входила бдительная охрана сверхценного чемодана. Специально замешкался у невысокого трапа, чтобы спокойно их возле него дожидаться. По какой-то невероятной случайности в руках у Майкла находился металлический чемоданчик, один в один аналогичный тому, какой удерживал ответственный инкассатор, сопровождавший значимый гангстерский груз; даже цвет у обоих был особенный – стальной, серебристый. Мишина заинтересовал именно предмет, имевший отношение к охраняемой ноше. Поравнявшись с охранниками, взявшимися в целости и сохранности доставить мафиозные деньги до конечного пункта, Майкл обратил внимание, и в первый черёд убедился, что они переносят точно такой же блестящий кейс, какой и находится у него самого. Опытный аферист, словно бы невзначай, внезапно споткнулся – и... его чемодан, содержащий мужское тряпье и всякие бытовые надобности (такие, к примеру, как бритва), лихо раскрылся и (раз!) предоставил всеобщему обозрению предметы личной гигиены, а также нательное белье, принадлежавшие до неловкости неуклюжему пассажиру. Придав себе вид неумелого недотёпы, он принялся энергично хвататься за разлетавшиеся объекты. Кое-кто из охранников и других недавних попутчиков сочувственно улыбнулись, а в силу устоявшейся традиции, некоторые стали с активностью помогать. Все вместе, общим скопом, собрали личные принадлежности, рассыпавшиеся по ходу дальнейшего продвижения.

Выказывая едва ли не искреннюю признательность, Мишин благодарил, как только умел, клялся в извечной дружбе, а заодно и безграничной любви; он убеждал, что если кому-то приспичит приехать в Нью-Йорк, то без стеснения можно останавливаться прямоком у него. За три с небольшим минуты чемоданчик Мэссона был надлежащим образом упакован. Счастливый факт состоялся, пронырливый пройдоха попробовал приподнять упакованную поклажу, но (вдруг!) почувствовал нечаянное головокружение – и... его мотнуло как раз на сотрудника, переносившего «священную» мафиозную кладь. От неожиданного столкновения тот немножечко растерялся, малость замешкался, а под воздействием особенного приёма, применённого вовремя и по нужному случаю, чуть ослабил цепкую хватку за ручку. Сам охранник, не чувствуя ничего иного, мысленно пораздумал, что утеря контроля над ценной ношей... она ему показалась. Но что же ловкий авантюрист? Задержавшись не дольше чем на секунду, он моментально отпрянул назад, хлопотно повинился, а затем, слегка пошатываясь, подобно пьяному, непринуждённо спустился по невысокому трапу. За весь период сценического спектакля (а случилось именно представление) напрягся, единственно, сотрудник, к которому и пристёгивался металлический чемоданчик, аналогичный, как и у Мишина; но вроде бы обошлось. По крайней мере так ему показалось. По его мнению, никто, из поучаствовавших в случайном переполохе, к нему надолго не приближался. Если не учитывать неадекватного пассажира, неловкого и рассеянного, то волноваться, в принципе, не о чем, тем более что денежный дипломат продолжал оставаться в могучих руках, прочно пристёгнутый железным наручником (вникая в служебные особенности, существовала строжайшая инструкция – не открывать оберегаемое устройство вплоть до конца).

Постепенно другие попутчики благополучно спустились вниз. Разглядывая содержимое личных вещей, упавших у странного незнакомца, немного повеселились и, не заостряясь особым вниманием, невольные участники отправились восвояси. Но?! Аккурат беспечному охраннику и было чего опасаться! Майкл Мэссон недаром прослыл отличным авантюристом: он освоил неимоверную технику, позволявшую беспрепятственно подменять любые предметы (его не остановили бы и такие надёжные средства защиты, какими являлись стальные браслеты). Получается, он и продемонстрировал достигнутое умение, да с невиданной ловкостью; создавалось стойкое впечатление, как будто ничего преступного в итоге не происходит. На самом деле непростая ситуация обстояла иначе: первым делом усыпилась всеобщая бдительность; вторым изобразился чудаковатый недотёпа-профан; третьим представилась неподдельная активность возле упавшего багажа; четвёртым произошли подготовительные мероприятия, направленные на незаметное открытие железных наручников. Едва наступил благоприятный момент, продемонстрировался самый элементарный трюк, давно уже наработанный и направленный на подмену носимых предметов (его с лёгкостью изобразил бы любой, мало-мальски подкованный, фокусник). Когда разбросанные вещи упаковались на прежнее место, а чемоданные замки картинно защёлкнулись, Михаилу хватило единожды прикоснуться к искомой цели, чтобы металлические наручники незаметно переключились с одной изогнутой ручки на аналогичную, но всё же иную. Всего-навсего лёгкое движение – и на него никто не обратил достаточного внимания. Потому, наверное, что руки преступных стражников славятся настолько внушительными размерами, насколько нервные окончания, расположенные у кожи, практически не работают (чем и воспользовался маститый ловкач).

Осуществив проворное предприятие, удалой аферист благополучно спустился вниз, а следом немедленно припустился, следуя чудаковатой пробежкой, и направился к красивой блондинке, всем радостным видом изображая желанную встречу. Поспешная предосторожность выглядела вовсе не лишней: краем глаза проницательный пройдоха увидел, как к «валютному чартеру» подъехал мрачненький лимузин, выделявшийся удлинённо-продолговатой формой и больше похожий на катафалк, нежели чего-то другое. Сметливый авантюрист, конечно же, догадался, что подкатили за миллионными долларами, им беспардонно похищенными и находившимися в «поганеньких», но цепких ручонках. Хотя они попали к нему вообще незаконным путем, но были крайне необходимы – для того чтобы завоевать благосклонное расположение одной белокурой дамочки, самой прекрасной на свете и всецело им обожаемой. Как и ожидалось, проволоочная сетка, что создавала внешнее ограждение, оказалась предусмотрительно перекусана, и именно в том месте, где к ней приблизился Мэссон; она, словно бы специально, позволяла беспрепятственно покинуть пределы лётного поля, становившегося опасным, нешуточно стрёмным. Приблизившись к ослепительной барышне, внешне казавшейся абсолютно невозмутимой, он демонстративно (для всех остальных) поцеловал её в жаркие губы и не удержался от вопроса, само собой просившегося наружу:

– Почему Внуково, а всё же не Шереметьево?

– Там слишком много разносторонней публики, какая взялась обеспечивать безопасность прибывавшего груза. У них, к прискорбию, нашлась работа намного важнее... – улыбаясь, не до конца разъяснила белокурая мисс, специально сохраняя волнующую интригу.

– Да?.. Интересно, какая?

– А-а, – небрежно бросила Кára, – кто-то набрался наглости позвонить и не забыл сообщить, что в зале ожидания заложена нехилая бомба.

– Во как?! – искренне удивился поражённый авантюрист. – И кто бы, смущаясь спросить, сумел такое проделать?

– Много впустую трезвонишь, Майки! – оборвала проницательная прелестница, озарившись недовольной ухмылкой. – Валить отсюда надо, да побыстрее, пока не накрыли и, сам понимаешь, «в вонючую тюрячку» «не замели».

Получив неоспоримое пожелание, податливый аферист быстренько юркнул в салон и сделался единственным пассажиром старенькой классики. За руль уселась неотразимая спутница (то ли перспективная любовница, то ли признательная подруга?), носившая американскую фамилию Сидни да два несозвучных имени и Хлб́я и Ка́рен. Не прошло и короткого мига, а она уже резко вжимала газовую педаль. Звук взревевшего двигателя невольно привлёк внимание угрюмого, мрачного вида, мужчины, прибывшего в зловещем лимузине и облачённого в чёрное.

Странноватый персонаж являлся не кем иным, а вором-рецидивистом, «коронованным законником-лидером». Он звался Юргеном Мак-Ко́ганом (именем, выдававшим американскую принадлежность), по-русски представлялся Коганом Юрием Ма́рковичем, в паспорте записывался, как Ка́рпович, в определённых кругах именовался Каратом – в общем, считался человеком, неплохо понимавшим и в золотом запасе, и в денежных ассигнациях. Неудивительно, что он являлся «смотрящим» за всей валютной частью, находившейся на штатовской территории и принадлежавшей российской мафии; без его прямого ведома не решался ни один существенный вопрос, возникавший по ту сторону широкой Атлантики. Что интересно? Преступный авторитет никогда не брался сопровождать бесценные грузы, почему-то считая, что личным присутствием привлечёт к ним нежелательное внимание, лишнее и чреватое. Никто и никогда с ним не спорил, так как слыл он и первым финансистом, и вторым лицом русскоязычных гангстеров. Кто считался главным? То неизвестно никому, потому как верховная фигура представлялась настолько загадочной, что одно лишь неосторожное желание, направленное на постижение страшной тайны, легко приводило к скоропостижной кончине; она случалась у всякого недотёпы, вольно или невольно проявлявшего чрезмерную любознательность.

Глава II. С чего все началось

Мысленно подивившись, что смазливая милашка отъезжает на допотопной автомашине, да ещё и с каким-то совсем не импозантным хлыщом, Мак-Коган если и заострился, то всего-то на пару мгновений (почему-то она представилась ему необычайно знакомой?). Не придавая случайному обстоятельству никакой логической подоплёки, влиятельный преступник распорядился следовать по конкретному адресу. Поджимало скоротечное время, а следственно, намного более заботило благополучное выполнение собственной миссии.

– Странная парочка, – только и смог он вполголоса поразмыслить, когда жутковатый лимузин трогался с места и когда он медленно покидал взлётно-посадочную полосу, расположенную во Внуково.

Отъезжая, солидный пассажир даже не удосужился поглядеть, всё ли в порядке с объёмным портфелем? Подобные операции проводились регулярно и ничто ещё не становилось серьёзным препятствием на пути к их удачному исполнению. Какого же случилось его удивление, когда, прибыв в главный преступный офис, он выставил пред грозные очи (той самой загадочной личности) содержимое сменённого чемоданчика...

Прежде чем рассказывать о заурядных предметах, представших ошеломленному взору, необходимо отметить, что главный мафиози выглядел высоким, отличался плотным телосложением и представлялся человеком, обладавшим исключительной силой и развитым телом. Одевался он в чёрный костюм, плотно облегающий коренастое туловище; на голове красовалась сплошная маска, выделявшаяся узкими прорезями для глаз, – словом, всем убедительным видом походил на безликого японского ниндзя.

В тот момент, когда появился Юрген, авторитетный вожак занимался каждодневными тренировками; основное внимание уделялось упражнениям, повышавшим боевое искусство и позволявшим оттачивать приёмы рукопашного боя (особенно навыки, способствовавшие профессиональному владению самурайским мечом). Прекрасно понимая, что в период усердных занятий главу мафиозного синдиката лучше не беспокоить, Юрий Маркович поставил бесценный чемоданчик на стол и предусмотрительно отправился в угол; он терпеливо дожидался, когда же к нему обратятся. Желаемый миг наступил практически сразу. Каким-то непостижимым образом (единым ударом) загадочный человек рубанул по замкам, запиравшим металлический кейс, и, предоставив ему открыться, продемонстрировал невзрачное содержимое, никак не похожее на банкноты, изображавшие мистера Франклина. Удивлению Мак-Когана не существовало предела, когда поражённому взору предстали мужское бельё и бытовые предметы, которые, охваченный чрезмерным усердием, собирал на лётном поле небезызвестный искатель приключений Майкл Мэссон.

– Ну, и что же это такое? – словно не удивляясь и используя шутливые интонации, поинтересовался предводитель бандитского клана. – Ты самовольно решил поменять мой «скромненький гардеробчик» и хочешь уверить, что представленное «дерьмище» стоит три миллиона долларов? Ладно, если бы «несогласованный подарок» оправдывал ту баснословную сумму, какая с нетерпением ожидается с той части планеты, но я и «на глаз» различу, что грязненькое «шмотышко» не тянет на сотню «баксов».

– Павел Аркадьевич, – именно так обращались к первому боссу российской мафии, – извините, но... я не понимаю, как жуткая неприятность смогла приключиться?

– Значит, я, мистер Юрген, – официально авторитетный лидер обращался ко «второму» сподвижнику только в моменты немалого гнева, – попробую Вам объяснить, – сказал он тихо, а следом бешено заорал: – Вас провели, как малых детей, как глупых котят!!! А вот где и кто именно, – говорил он снова спокойно, – это Вам представляется выяснить, и в минимально сжатые сроки. В последующем – как Вы, конечно же, понимаете? – приведёте безмозглых людишек

сюда и предоставите на расправу. Скажу честно, мне лично захотелось улицезреть их наглые «рожи» и поступить с погаными негодяями чисто по-свойски.

– Но... если окажется, что был всего один человек?.. – попытался задвинуть Коган.

– Поверь, – ещё больше раздражался криминальный авторитет, полюбивший осваивать приёмы владения холодным вооружением и переодетый в японского ниндзя, – их было двое – а может, и больше? Похожее дело в одиночку не провернуть, и кто-то обязательно подстраховывал, – он неприветливо усмехнулся, – я заключаю из личного опыта, когда сам промышлял и такими, и подобными им делами.

Не желая испытывать бойцовское мастерство, какого достиг самоуверенный лидер, Мак-Коган поспешил по-быстрому удалиться; он немедленно направился исполнять неотвратимое приказание, и от греха, и подальше. Выйдя от главного босса, Юрген собрал всех нерадивых охранников, сопровождавших бесценный багаж, (становится понятно, почему Юрген никогда не находился вблизи «непривлекательных грузов»). Едва он оказался среди безмозглых подельников, преступных «шестерок», почувствовал душевный подъём и приготовился устроить непримиримый разнос, и полный, и жёсткий.

– Возможно, вы не особенно в курсе, – злословил без длительных предисловий, напрягая лицевые мышцы до неестественной степени и гневно водя желваками, – но случилось пренеприятное происшествие – не побоюсь напыщенных слов – вопиющее неслыханной наглостью и доселе ещё небывалое! Какое? Все те валютные деньги, какие должны переправляться из «поганой Америки» на благодатную Родину – они внезапно исчезли! При каких обстоятельствах бессовестное хищение случилось и на каком конкретном этапе – нам предстоит разузнать в наикратчайшие сроки и, соответственно, вернуть похищенные деньги обратно. Всё ли всем понятно по сути нехилой проблемы?

– Да, – согласились повинные представители, относившиеся к службе безопасности преступного синдиката, – но что нам необходимо в первый черёд предпринять?

– Озвученный вопрос, – раздражённо промолвил Коган, – вам должен поставить именно я, а вовсе не наоборот! Ну?.. Так я жду.

Оправдательное слово взял неудачливый стражник, к руке которого и привязывался несчастный «золотой чемоданчик»; он прекрасно понимал, что большая часть вины находится в его внештатной нерасторопности (если честно, стоило удивляться, что тот до сих пор остаётся живым). Чтобы выглядеть полезным, высокий человек, выделявшийся мощным телосложением и имевший квадратную голову, где особо выделялись глаза, серо-зелёные и крайне испуганные, сделал предположение, не лишённое правдивого смысла:

– Я почти уверен, что всю дорогу от Нью-Йорка и до Москвы к чемодану никто не подходил, а значит, и не касался. За сказанные слова готов ответить собственной головой.

– Не торопись, – убеждённо заверил Юрген, – ещё успеешь – и непременно ответишь. Сейчас же давай вспоминай: где тебя смогли предательски «хлопнуть»?

Немного подумав, парень, носивший преступное погоняло Горыныч (в виду некоторого сходства со сказочным зверем), с сомнением выдал:

– Мне кажется, кейсы подменил тот неуклюжий пассажир, что вроде бы случайно рассыпал личные вещи и ненадолго задержался на выходе. Тогда, помнится, и другие пассажиры бросились ему помогать. Все они собирали упавшие шмотки и весело шутили относительно рассеянной неуклюжести. Тот и сам подогревал и незадачливый смех, и озорное веселье. Сейчас я отчётливо понимаю, что он усыплял всеобщую бдительность.

– Похоже на дело, – согласился Коган с критичным предположением, – но зачем к нему приблизился именно ты? Ты ведь отлично знал, какой при тебе находится ценный груз... Ответь: почему ты нарушил наиглавнейшую догму важнейшей инструкции?! Справились бы все остальные, и без твоей – нисколько не нужной! – помощи.

– В том-то и разница, – убедительно заверил Горыныч, мрачно напрягая нахмуренный лоб, – что я к нему-то вовсе не подходил, стараясь сохранять расстояние, положенное по принятым правилам и равное метру. Мне хорошо известна инструкция, определившая, что, в случае какой суеты, необходимо удалиться по возможности дальше.

– Правильно, – согласился пытливый Мак-Коган, – но объясни: как могла случиться невидимая подмена, заметь, немаленьких чемоданов?

– На поставленный вопрос ответить ничуть не проще, хр-хр, – удрученно «прихрюкнул» проштрафившийся бандит, – ко мне никто, походу, не приближался, да и сам-то я ни к кому, пожалуй, не подходил. Думаю, помогут видеокамеры, установленные в аэропорте и в самолете.

– Правильно, – согласился с ним Юрий Маркович (по паспорту Карпович), – поэтому подробным просмотром мы с вами сейчас и займёмся.

Уверившись в практичном решении, вся провинившаяся процессия отправилась обратно и проследовала во Внуково; они собирались изучить и детально, и досконально, кто же посмел похитить валютные миллионы российской мафии.

Пока они находятся в недолгом пути, стоит вернуться к двум одиноким героям, оставленным на допотопной «шестерке», и задаться закономерным вопросом: как пронырливый аферист познакомился с эффектной блондинкой?

Майкл Мэссон – авантюрист с давно устоявшейся репутацией. Поэтому не следует заострять на нём повышенное внимание и уделять преступным «подвигам» излишнее время. Его обыденное занятие – перемещаться по миру и, применяя всевозможные незаконные способы, облапошивать доверчивых граждан; в основном им предпочитались кровные денежки, самоцветные камни и блестящее золотишко. Но вот Хлоя Карен Сидни, наречённая по-русски Карина и имеющая отчество Амировна, а фамилию Ситнева, привлекает немалое любопытство...

В Америку она приехала примерно два года назад и, честно говоря, была охвачена и благим, и милосердным стремлением: любыми путями заработать денежных средств, необходимых на дорогую операцию младшей сестры. Ни многим ни малым ей требовалась сумма, равная полутора миллионам долларов. Врач, взявшийся проводить лечение и положивший больную девушку в профильную больницу (конечно же, она располагается в благополучном Израиле), согласился поддерживать жизненные процессы и ждать запрашиваемых денег не дольше двух лет. Отведённый срок подходил к концу, но требуемой суммы как не было, так, в общем, и не предвиделось. Полный провал, постигший сердобольную родственницу, случился лишь потому, что единственным умением, какое она сумела освоить в американском сообществе, стал женский вечерний стриптиз. Да, она пользовалась и бешеным спросом, и сумасшедшим успехом, но незначительных денег, что могла заработать, едва хватало, чтобы хоть как-то сводить концы с концами и чтобы оплачивать временное жизнеобеспечение любимой сестрёнки. Волею случая Сидни попала работать в легальное заведение, принадлежавшее небызывестному мистеру Когану. Помимо обычных танцев (за отдельную плату), услужливым стриптизёршам устанавливались дополнительные обязанности; они обязывали ублажать благонадёжных клиентов и развлекать их по отдельной, местами сексуальной, программе, но (опять же!) в пределах разумного – половое сношение допускалось исключительно в отношении состоятельных VIP-посетителей, и с согласия полуголых танцовщиц.

Однажды, в ходе одной из развратных аудиенций, ей указали уделить избыточное внимание человеку, известному под именем Майкла Мэссона. Хотя он и не представлял для русско-американских бандитов какой-либо значимой ценности, но бездумно сорил большими деньгами. Ввиду отсутствия свободного помещения, белокурой красавице разрешили обслужить «богатенького клиента» в просторных апартаментах, смежных с кабинетом главного американского босса, что выражалось (по отношению к денежному клиенту) угодливой почестью.

«Накачавшись» больше обычного (не без помощи Хлби), Мишин быстро уснул, и в потаённой комнате образовалось гробовое молчание. Дивное дело, человек, перебравший с горячительными напитками, ничуть не храпел; могло создаться некое впечатление, что он не спал, а таковым притворялся (говоря по чести, погрузился он в сказочное царство Морфея самым честнейшим образом). Хитроумный пройдоха (пусть подле и находилась прелестная Сидни) настолько напился, что, едва они оказались вдвоём и едва распили по паре бокалов шампанского (незаметно подкрепленного «убойным» ирландским виски), тем же часом, счастливо убаюканный, крепко уснул. Для распутных танцорок отдых никогда не являлся лишним, и голубоглазая девушка совсем уж засобиравалась воспользоваться удачливым шансом, предоставленным себе самолично, как (вдруг!) в соседнюю комнату наведались двое. Волей-неволей пришлось стать невидимой очевидицей их тайного разговора.

– Через три дня придётся заказывать в Россию чартерный рейс, чтобы переправить три миллиона долларов, – узнала она зловещий голос Мак-Когана, – верховный босс срочно требует дополнительных денег.

– Да, с ним вряд ли поспоришь, – отвечал человек, показавшийся незнакомым и говоривший странным, несколько шипевшим, мужским баритоном, – хорошо ещё, он их не часто запрашивает.

– Согласен, – подтвердил «досточтимый» Мак-Коган, – а не то мы бы здесь совсем разорились.

И оба рассмеялись плоской, но незадачливой шутке.

– Заказывать будем, как и обычно, «742-й»? – поинтересовался Сиплый, как прозвала его прекрасная Карен.

– Однозначно сказать не могу, – засуетился Юрген, – нужно согласовать с доверенными людьми, что работают в нью-йоркском аэропорте.

– Так чего же ты ждёшь?! Давай согласуй.

Получив конкретное указание, Юрий Маркович принялся названивать, чтобы, не откладывая в долгий ящик, «пробить» наиболее насущный вопрос. Буквально через минуту выяснил, что излюбленный чартер «742-й» как раз сегодня ушёл по ту океанскую сторону и что вернётся он не раньше, чем через четверо суток. Полученное известие виделось нежелательным, значительно опечалившим; но, делать нечего, гангстерские авторитеты заказали похожий рейс, но под номером «восемь-четыре-восемь». Подслушанная цифра, а с ней и крамольная мысль, просто кричавшая, что непременно следует очутиться на обозначенном самолёте, настолько проникли в отчаянный разум молоденькой дамочки, насколько никакими «клещами» оттуда её не вытащить. Сердобольная родственница неплохо осознавала: предельный срок, позволявший лечиться младшей сестре, вот-вот заканчивался, а значит, требовался срочный перевод наличного капиталовложения, необходимого на долгожданную операцию. Ещё ей было отлично известно, что взять их попросту неоткуда – а тут такой превосходный, просто счастливый, случай! Не представляя, как именно будет орудовать, Сидни по-быстрому себя убедила, что стащит нужные финансы у русско-американской мафии.

Как водится в непредвиденных случаях, Карен без стеснения пригрела карманные денежки очередного клиента, мирно посапывавшего и ничего в округе не ведавшего. Она совсем уже собиравалась ненавязчиво улизнуть, намереваясь обдумать план грядущих событий, как (внезапно!) беспробудно (вроде бы?) спавший клиент спокойным, хотя и заплетавшимся говором высказался:

– Карен?.. Тебя ведь Кára зовут – не так ли? Верни мне, пожалуйста, мои кровные. У меня их не слишком много, а мне бы очень хотелось их лично потратить. Если изъявишь желание, то я могу транжирить их вместе с тобой, тем более что ты совсем не дурна, а напротив, несравненно мила и на редкость красива.

Постепенно одурманенный мозг освобождался от чрезмерного алкоголя, и Майкл воочию видел, какой перед ним находится удивительный, едва ли не сказочный ангел (если судить по внешним характеристикам, потому как внутри молоденькой авантюристки бушевали настоящие дьявольские бури и сатанинские страсти).

– Как долго я спал? – спросил ограбленный посетитель. – И главное, что именно пропустил? У нас что-то было?

– Да! Ты, беспутный мерзавец, меня изнасиловал, – беспардонно соврала самоуверенная милашка, не моргнув ни одним голубеньким глазом, – я очень сильно сопротивлялась, но тебя было попросту не унять. Во-о-он, ты даже оставил на мне неслабые «синячищи», – промолвила многозначительным тоном, показывая на запястьях заживающие царапины, еле-еле заметные и едва-едва видимые; далее, разразившись наигранными рыданиями, она дополнила лживое утверждение убедительными угрозами: – Мои боссы, если им рассказать, сделаются недовольными – да что там?! – просто сердитыми. Я даже представить боюсь, как они жестоко, оказавшись в горячке, с тобою разделаются. Договора на секс у нас не было, а так только... потанцевать да немного «потискаться».

Глава III. Подготовка

В голове у Майкла всё более прояснялось, и он давно уже понял, что хитроумной бес-
тии, где-то дьявольски очаровательной, а в чём-то чертовски расчётливой, определённо чего-
то понадобилось. Пока вот разве никак не бралось себе в толк: а, что же конкретно? Матёрый
пройдоха сделал испуганный вид и, изображая простоватого недотёпу, любыми правдами и
неправдами вознамёрился вытащить как можно больше фактической информации.

– Ситуация, и действительно, не слабо серьёзная, – как бы согласился он с актом без-
думного изнасилования (за что в Америке можно угодить прямиком на «электрический стул»,
либо под воздействие смертельного газа, либо под применение какого-нибудь другого, не менее
эффектного, умерщвления), – хотелось бы прояснить некие подробные обстоятельства: как
наша интимная близость случилась?

Мэссон слыл «воробьём стрелянным», поэтому поймать его на дешевом разводе – виде-
лось делом сложным, если не бесперспективным. Продолжая затеянную игру, он замыслил
прояснить и объективные аргументы, какими владеет прекрасная, но в то же время коварная
девушка.

– Когда мы остались одни, – начала она, жалобно всхлипывая, – тебя словно бы подме-
нили: ты будто с цепи сорвался – набросился на меня, порвал на мне всю дорогую одежду, –
злокозненной врале и придумывать практически не пришлось, так как одеяние ночных стрип-
тизёрш состоит из лёгких предметов, едва прикрывающих телесные станы, – далее, сильно
избив, грубо и отвратительно изнасиловал.

– Вот здесь хотелось бы подробнее, – дрожащим голосом выдавил Мишин, всё более
приходя в себя и пытаясь казаться напуганным.

– Ты больно сжал мне оба запястья, бесцеремонно впился слюнявыми губами в чувстви-
тельные, дрожавшие от страха, уста, обдал вонючим дыханием, а затем, грубыми тычками раздви-
нул мне слабые ножки и, не оставив свободного выбора, совершил позорный поступок, и гряз-
ный, и безобразный.

Внимательно осмотрев нескромную, но уютную комнату, сметливый комбинатор, не
заметив следов преступления, загадочно улыбнулся:

– А сперма?.. Мужские-то выделения хоть где-нибудь будут? Поверь, без неё придуман-
ный факт превращается в никчёмную пыль. Как сложилась американская практика, в недо-
казанных случаях судят обычно тех, кто ложные обвинения выдвигает, а вовсе не тех, кого
беспардонно оговорили. Здесь-то как, всё ли нормально? Не то, если быть откровенным, я уж
чуть не поверил... в тот старый и добрый развод. Давай-ка лучше, вероломная прелесть, при-
знайся по чести: чего от меня понадобилось? Возможно, тогда!.. Пленённый притягательным
обаянием – разумеется, если буду способен? – я, должно быть, и соглашусь, но... только на
бескорыстную помощь. Не будь я Майкл Мэссон!

Произнесённое имя возымело на впечатлённую девушку эффект разорвавшейся бомбы.
Громкая слава удачливого проныры (хотя и средней руки) прочно обосновалась в американ-
ском преступном обществе и уверенно ходила в обиходе криминального мира; главным пре-
имуществом являлось, конечно, непревзойдённое умение всегда умудряться выходить сухим
из воды – практически без потерь. Неудивительно, что, услышав имя прославленного прой-
дохи, впечатленная Карен всплеснула руками и громко воскликнула:

– Ой! Это действительно правда?!

– Что? – неподдельно озадачился Мишин. – Моё имя известно даже в столь захудалом
местечке, каким является полубандитское захолустье?

– Да, да, – радостно залепетала прелестная Хлоя, враз воспрянувшая и осчастливленная возникшей надеждой, – мне необходимо, чтобы опытный человек, побывавший во всяческих переделках, помог мне в одном несложном, но о-о-очень многообещающем деле.

– Можно было обойтись и без наигранной лести, – расплылся Майкл в самодовольной улыбке, – но честь-почести она удалась, а потому я слушаю тебя, восхитительная милашка, и в два раза внимательнее.

И Хлоя Карен Сидни незнакомому, зато отпетому проходимцу, встретившемуся на опасном пути, рассказала грандиозные планы, задуманные во спасение умиравшей сестры, истерзанной продолжительной тяжёлой болезнью. Она надеялась на личное обаяние, поэтому говорила едва ли не голую правду:

– Стучилось, что у меня имеется младшая сестрёнка Ирина. Сейчас она находится в израильской клинике и остаётся на жизненном поддержании. Для того чтобы ей сделали успешную операцию и хоть как-то поставили на ноги, мне в срочном порядке необходимо раздобыть где-то полтора миллиона долларов.

– Интересно?.. – искренне изумился Мишин. – И как ты надеялась заработать баснословную, почти неподъёмную, сумму обыкновенным стриптизом?

– Сначала, как только я появилась, у меня получалось зарабатывать вроде неплохо, – продолжала милая девушка, – наличные капиталы «поплыли» и, казалось бы, стали накапливаться – вот разве в минимальном количестве. Проведя математические расчеты, я пришла к несложному выводу. Какому? Для того чтобы собрать необходимую сумму, мне придётся отработать лет эдак тридцать, причём ни досыта есть, ни сладенько пить, ни предаваться нормальным людским развлечениям.

– Наблюдение верное, – подытожил бывалый авантюрист, расценивая слова, сказанные всплакнувшей блондинкой, – честных денег – много! – заработать практически невозможно. Настоящие капиталы забираются у богатеньких личностей, которые сами наворовали их в достаточной мере и у которых их столько, что возьми всего-то малую толику – ничего они, несметно богатые, в общем-то не заметят.

– Кстати, – Карен пошире раскрыла голубые глаза, бездонные и пленительные; она сделалась гораздо прекраснее, – именно сегодняшней ночью и меня посетило аналогичное размышление!

– Неужели?! – Майкл словно бы изумился. – И что же, интересно, тебя подтолкнуло?

– Короче, – переходя на загадочный полусшепот, заговорила Хлоя интригуяюще, едва ли не заговорщицки, – невольно мне удалось подслушать, как тайно сговорились два государственных служащих, – она умышленно не упоминала опасных американских гангстеров, чтобы новоявленный компаньон внезапно не испугался и чтобы он заранее не отказался от авантюрной, смерти подобной, затеи.

– Я согласен, госслужащие – первые воры в любой стране, а в Америка и подавно... но разве они осмеливаются посещать сомнительные, сплошь злые, заведения? – Мэссон если и удивился, то разве немного, а следом пустился в раздумья глубокие: – Впрочем, сейчас ничему поражаться нельзя: время диктует неписанные законы. Озадачивает другое: почему они разговорились в ничуть не интимном месте? – последнюю фразу промолвил он иронически.

– Всё очень просто: они перебрали с креплённым виски, а я как раз танцевала едва ли не в шаговой близости. Признаюсь, всегда, когда начинаю работать, я прислушиваюсь к невольному трёпу, какой исходит от пьяненькой клиентуры. Зачем? Чтобы избежать непредсказуемых ситуаций, неприятных и стрёмных, – ну, ты меня понимаешь?..

В знак согласия Майкл мотнул задумчивой головой. Сидни тем временем продолжала:

– Находясь под крепеньким алкоголем, они думали, что шепчутся еле слышно. На самом деле говорили громче обычного, а откровенная «исповедь» словно ровненьким ручейком текла. И вот, воспользовавшись непревзойденным умением – и красиво танцевать, и вни-

мательно слушать – я выведала секретную тайну, не привлекая вообще никакого внимания. Наслаждаясь представленным «бесподобием», – видимо, элементарная скромность Хлое была не ведома, – недалёковидные ротозеи совсем не подозревали, что у меня не только роскошные формы, но ещё и идеально чуткие уши.

– Да, в непревзойденной фигуре тебе не откажешь, – согласился опытный аферист со сделанным утверждением, – и что же из откровенной беседы посчастливилось выудить?

– Во-первых, через три дня – разумеется, на чартерном рейсе, номер 848 – состоится переброска денежных средств, общим размером доходящих до трёх миллионов долларов; их направят прямиком на российскую территорию, – передавала лукавая девушка невыдуманную историю. – Если поделить добытый куш пополам, и у тебя и у меня получится приличная сумма. Я с легкостью решу проблемы, возникшие с оплатой, необходимой на лечение младшей сестры! Во-вторых, озаменованный рейс обязательно состоится, а озвученные деньги там будут. Остаётся одно: проникнуть внутрь нужного самолета и совершить ненавязчивое хищение американской валюты.

– Интересно, – дотошно допытывался более прагматичный Майкл, – и как ты собираешься осуществить поистине наглую кражу? Наверняка задействуется вооруженная стража, и, наверно, немалочисленная, – как ты собираешься справиться с ними, с бравыми молодцами?

– Я?! – не наигранно удивилась нахальная бестия; она изобразила настолько искреннюю наивность, как будто заданный вопрос пусть и не выглядел несусветно глупым, но мог прийти лишь исключительному профану. – А ты что же, ничего для совместного дела поделат не собираешься? Я, скажем, достала ценную информацию, я же помогу оказаться на борту заокеанского чартера, и я же прикрою отходные пути – не слишком ли много для одной, и хрупкой и нежной, девчонки? По-моему, и сильному мужчине, тем вернее слывшему непревзойденным авантюристом, необходимо хоть чего-то, для общего блага, сделать – достаточно ли ясно я сейчас выражаюсь?

– Более чем! Ты абсолютно права, – согласился очарованный Мэссон, – и если ты, как ранее обещала, обеспечишь беспрепятственную посадку и поможешь проникнуть на «денежный борт», то, гарантирую, я сделаю то плёвое дело. Стоп! Надеюсь, ты не забыла, что билеты на похожие рейсы стоят не меньше пятидесяти тысяч долларов, да и заказываются они обычно заранее.

– Кажется, сказано – организационные процедуры на мне! Тебе остаётся лишь минимальная мелочь – эффектно подменить чемоданы.

– Но?... – ненавязчиво возразил лихой аферист. – Обычно стрёмные кейсы пристёгиваются стальными наручниками, и обязательно к накаченным, уж точно не женским, рукам.

– Милый, мой Майки, я тебя умоляю?! – презрительно улыбнувшись, состроила Хлоя ехидные глазки. – Не мне ли тебя учить, как поступают в случаях, аналогичных тобой приведённому.

– Да, здесь ты, пожалуй, права, – согласился чуть озадаченный аферист, а с настороженностью спросил: – Когда я узнаю, что посадочные билеты готовы и что я являюсь почётным пассажиром необходимого рейса? – он тоже лукаво острил.

– В течение одного, как максимум, пары дней, – заверила убеждённая Карен, – но тебе – теперь уже самому – необходимо запастись металлическим чемоданчиком, имеющим серебристую окраску и предназначенным для перевозки огромных денег. Вспомни, как в гангстерских фильмах! – Натуральные форму и размеры ей удалось рассмотреть, когда договаривались двое преступных авторитетов.

Далее, она в подробностях описала примерные габариты, обозначая их настолько просто и правильно, что Мишин отчётливо понял, какая часть носимой поклажи конкретно потребуется. Засим они и расстались, не забыв обменяться прямыми контактами.

Оставшись одна, Карина позвонила в нью-йоркский аэропорт, предпочтённый русскими мафиози, прочно укоренившимися в благополучной Америке. Дозвонившись, попыталась сделать заказ на рейс «848-й» и приобрести билет на некоего Майкла Мэйсона (так специально указал ей авантюрист, сообщив, что с документами проблем не предвидится). Ей недоумённо ответили, что названный рейс пока ещё даже не создавался.

– Хотя-а?.. – попросили подождать не более пары минуток.

– Извиняемся, мисс, вот только-только сформировался интересуемый чартер. Вам крупно повезло, что обратились пораньше... на него просто огромный спрос, а последний билет можно приобрести за символическую сумму, равную сорока восьми тысячам долларов.

Карен больно прикусила нижнюю губу. Получалось, с учётом перелета до России её самой, оставались именно деньги, запрашиваемые на покупку основного билета. Делать нечего, с накопленными финансами приходилось благочестиво расстаться. Бог как будто знал о возникшем у неё непростом положении, и никогда не унывавшая девушка расценила поставленное условие благоприятным, если не божественным знаком. Она быстренько проплатила заявленную цену и распечатала пришедший на электронную почту готовый заказ. Осуществив последовательные манипуляции (в двадцать первом веке вовсе не хитрые), Карен набрала Михаила Мишина и обстоятельно сообщила, что он отправляется на Родину ровно на третий день. Смышлёная блондинка говорила не слишком кратко, зато чётко и очень доходчиво; она сумела передать, что плацкартный билет успешно зарезервирован. Что касается лично него? Если Мэссон желает удачно проверить рискованную операцию, то ему надлежит поумерить разгорячённый пыл, проявляемый в праздной жизни и прочих увеселениях, а заняться непосредственной подготовкой к предстоящим нелёгким событиям. Давать неоспоримые наставления для представительниц прекрасного пола является как манной небесной, поэтому Карен отчитывала искателя приключений, преступного соучастника, с особенным, по-женски неуёмным, энтузиазмом.

Получая бесценные указания и находясь на тайной квартире, известной ему одному, всеми возможными способами, какие известны, Майкл интенсивно изгонял остатки алкогольных напитков, в необозримом количестве принятых накануне. Понятное дело, перед тем как приступить к сложному, повсеместно опасному, поручению, ему требовалось осуществить активную подготовку и оказаться на запланированном борту в пригодном состоянии, точнее с мастерской хваткой. Прожжённый мошенник, он не считался неотёсанным дурачком и прекрасно понимал, что любой маломальский промах может стоить длительного срока тюремного заключения, а возможно, и «электрического стула» [хотя в некоторых штатах судебное умерщвление проводилось способами гуманными (через посещение газовой камеры, например), что особого восторга также не вызывало]. Исходя из практичных стереотипов, остальные два дня он подумывал провести и в полной трезвости, и в основательных тренировках. Сейчас же, выслушивая поучительные нравоучения, он с Хлоей во всём соглашался и ничего не оспаривал. Проницательной девушке на какое-то время даже почудилось, что пронырливый пройдоха её вовсе игнорирует, и она решила его подловить:

– Ты вообще понимаешь, Майки, о чём я тебе говорю?

– Конечно, – отвечал он ей моментально, держа сотовый телефон в помывочной кабинке, где находился и сам, – настолько внимательно, насколько нахожу приведённые доводы, и вразумительными, и правильными. Между прочим, как раз сейчас я нахожусь под контрастным, подлинно освежающим, душем.

Умело обходясь как с молоденькими девушками, так и со зрелыми женщинами, Мишин являл учтивого кавалера и свободно запудривал мозги любой, пускай и стойкой, красавице. Примерно так же происходило и с миленькой Карен: он профессионально включился в режим подвластного подкаблучника, но сам оставался при лично сложившемся мнении. Опытный ловелас, он ловко затуманил обычную осторожность, да так убедительно, что Сидни несколько

не сомневалась в его безграничной любви, безоговорочной преданности, – а это (если учитывать полную готовность на героический подвиг) оказалось ей только на руку. После непродолжительного общения, проведённого с новоявленным кавалером-поклонником, в неподражаемой красоте поселилась настойчивая уверенность, что пронырливый авантюрист подвластен ей полностью; следовательно, она могла себе выделить короткую паузу и позволить уставшему организму как следует выспаться.

Вот так незамысловато, совсем незатейливо, скомпоновался бесхитростный план: Карат заказал внеплановый чартер, а Карен вовремя перехватила посадочные билеты и ловко втиснула в салон самолёта ей нужного человека... Ну, а что происходило дальше – стало уже известно.

Глава IV. В кабинете у следователя

Прихватив провинившихся молодцов, Мак-Коган устремился в злополучный аэропорт; он намеревался надлежаще просмотреть уличные видеокамеры и установить несоразмерно наглую личность, не побоявшуюся тиснуть «общаковые денежки» – неприкасаемую собственность российской преступности. По общему мнению, проявленная дерзость считалась отмо- роженным беспределом, крайним и непростительным; соответственно, наказание предусматривалось только единственное – однозначная смерть, беспощадная и жестокая. Незавидная будущность предрекалась для всех, в том числе нерадивых лиц, не досмотревших за важным и ценным грузом. Вдохновлённые неприятными перспективами, бандиты решились пуститься на всякие ухищрения, лишь бы вычислить подленьких выродков, посмеявшихся бесцеремонно, да и просто по-хамски, обойтись с криминальной валютной наличностью.

Во Внуково Карат прямым ходом отправился в аэропортское охранное предприятие, где неплохо знался с начальником-учредителем. Зайдя в просторное помещение, обставленное в стиле современного офиса, Юрген предстал пред напыщенной персоной Хромова Игоря Сергеевича, отставного полковника; он обеспечивал бдительную охрану вверенного объекта и о каждой мелочи считался предельно осведомлённым. Бывший полицейский, недавно он достиг пятидесятитрёхлетнего возраста, представлялся толстым, немного не «долысёвшимся», – вообще непривлекательным человеком; выглядел чуть выше среднего роста и сравнивался со сказочным колобком; круглое, лоснившееся счастьем лицо обладало серенькими глазами, заплывшими жиром. В связи с достигнутым положением, влиятельный мужчина наделялся многими привилегиями, дарованными вовсе не всякому.

Увидев давнего друга, неожиданное появление коего сулило немалую прибыль, он, как был, без пиджака, бросился почтенному визитёру навстречу и раскрыл доверительные, если не дружеские объятья. Они демонстративно вежливо обнялись, как принято по давней порочной традиции. Предложив дорогому гостю удобно усесться и расположиться с тыльной части письменного стола, начальник службы безопасности проследовал в личное удобное кресло; он приготовился сосредоточенно выслушать, в связи с чем удостоился повышенного, хотя и незапланированного внимания.

– Можем мы поговорить конфиденциально, без лишних свидетелей, – перешёл Карат к основному делу, намекая на чрезвычайную откровенность.

– Да, конечно, – согласился с ним Хромов и попросил двух сотрудников, находившихся тут же, немедленно освободить служебное помещение.

Они остались вдвоём и, глядя друг другу в глаза, перешли к непостижимому происшествию. Первым заговорил Мак-Коган и вкрадчиво произнёс:

– Случились нехорошие, едва ли не мрачные обстоятельства, а иначе я бы так запросто не пожаловал.

– Хотелось бы поподробней?

– Ежели без ненужных прикрас, сегодня из Америки прибыл чартерный рейс, перевозивший крупную сумму «общаковских денег», – вольно или невольно Когану пришлось посвящать старого товарища во все правдивые тонкости, где-то досадные, а в чём-то и незаконные.

– Можно поинтересоваться: какую транспортировали сумму – конкретно?

– Можешь не сомневаться, непомерно большую, – язвительно ухмыльнулся Карат, – тебе такую, уж точно, не заработать, да и украсть навряд ли получится.

Они рассмеялись нехитрой шутке, а дальше преступный посетитель продолжил серьёзно:

– В общем, всё, что следует знать, – наши «законные баксы» находились в светло-металлическом чемодане, оборудованном двумя запиравшимися застёжками.

Для пущей наглядности влиятельный бандит предъявил на обозрение собеседника серебристый портфель, чуть ранее успешно подмённый Мэссоном; внутри него, как известно, находились никчёмные вещи. Открывать его заокеанский мафиози по понятным причинам не стал – не пожелал ославиться значительно больше. Начатую мысль он всё же закончил:

– Искомый кейс требуется изъять, виновных людей задержать, если потребуется, даже арестовать, а уж впоследствии мы разберёмся с ними по-свойски. Деньги, естественно, немедленно вернуть, причём все, а не как произошло в прошлый раз, когда из ваших, чересчур расторопных сотрудников, пришлось выколачивать, кто из них и сколько набрал.

Едва он договорил, в служебный кабинет вошёл один из ответственных перевозчиков (тот самый Горыныч) и, радостный, доложил, что выяснил, когда же именно произошла роковая подмена.

– Действительно? – Юрген напрягся словно пружина. – А ну-ка дайте-ка я полюбуюсь на «одичавших» молодчиков.

При показовом воспроизведении отчётливо вырисовывалось, как Майкл производил подмену двух чемоданов. Возмущённые зрители признавали, что ловкий финт произведён мастерски и не выделялся ни неуклюжими, ни лишними телодвижениями.

– Что это за пронырливый тип? – не признал Карат нахального ловкача (что не выглядело слишком уж удивительным, потому как тот умышленно не пользовался достигнутой криминальной славой и не торопился представляться главным американским боссам).

Особенно потрясённый бандит заострился, когда увидел, как удачливый воришка направляется к допотопной российской классике, выделяющейся белым оттенком и окрещённой в просторечие обычной «шестёркой». Обалденную стриптизёршу Карен-Карину, эффектно возлежавшую на передней, капотной крышке, при детальном рассмотрении, признал практически сразу: едва ли не каждый день он видел ночную танцовку в американском развлекательном баре.

Он просто дар речи потерял, когда понял, кто (именно!) посмел посягнуть на «общакóвские доллары».

– Что?! – заорал он, чуть-чуть не прикусив вдруг вывалившийся язык. – Какая-то никчёмная шлюха не шлюха, проститутка не проститутка, танцовщица не танцовщица оказалась настолько беспечной, что взяла на себя бескрайнюю смелость?! Не понимаю?.. В общем, так, дорогие ребятки, – обращался к расторопным охранникам, вошедшим вместе с Горынычем, – найти и её, неблагодарную тварь, и обезумевшего сообщника – вместе с деньгами, конечно! – и представить их сразу ко мне. Я буду пока находиться здесь. Разрешается всё! Можно подключать продажных «ментов».

– Как объяснить заграничную переправку незадекларированной валюты? – попробовал поинтересоваться Игорь Сергеевич.

– Во-первых и сразу в-последних, а кто, вообще, заставляет кого сообщать, что похищенные деньжата «приплыли» из-за кордона? – Карат не оценил тупоголовую непонятливость и выразил немалое изумление: – Кто мешает, к примеру, сказать, что их похитили здесь, прямо в «казённом» здании, и что именно я, американско-российский предприниматель, являюсь незадачливым потерпевшим. Особенно подчеркните – расследование неофициальное... типа, пока. Поверьте, в означенном случае они сделают всё, что только не смогут. Дальше станем смотреть, и чего-нибудь да непременно придумаем, – не мне ж теперь вас учить, «старый», ты, полицейский полковник?!

***

Немногим ранее удачливые грабители непринуждённо открывали украденный чемоданчик; они приятно удивлялись столларовым купюрам, обнаруженным внутри и ровненько уложенным аккуратными пачками. Общий номинал равнялся трём миллионам долларов. Оба, особенно миловидная дамочка, безмерно обрадовались; она (ну, совсем как маленькая

девочка!) захлопала, несказанно счастливая, в шальные ладоши и засияла от нечаянной радости.

– Куда направляемся? – спросила Сидни у предприимчивого попутчика.

– Правь в ближайший автосалон, – ответил довольный спутник, – необходимо сменить нашу «спаленную» машину и выбрать себе чего-нибудь соответствующее – имея баснословные деньги, не на древней же «тарактелке» мы продолжим, богатые, колесить? С другого боку, нам срочно нужно сделаться неприметнее. Ну, а совсем честно, я давно мечтаю приобрести «порше макан» и готов потратиться суммой, равной восьмидесяти тысячам долларов... там ведь на лечение больной сестры остаётся?

– Да, вполне, – отвечала Карен, – а нас не вычислят? Скажем, купюры положены меченные?

– Что-то мне подсказывает, – начал доказывать Мэссон, – нет, точнее – я просто уверен! – что «неправильных» банкнот внутри не окажется. Иначе ты, смазливая милашка, в стрёмное, насквозь бесперспективное, дело просто бы не полезла. Почему? «Палённые» денежки можно и свободно, и незатейливо проследить где угодно, и даже в Израиле. Их стопроцентно изымут, а спасительную операцию непременно отменят.

– Да?.. Действительно? – пробурчала белокурая соблазнительница и обозначилась испуганной мимикой. – Я не подумала... честно.

– Вот заодно и проверим, – увлечённо заключил пронырливый аферист, – краплёные, захватили мы карты либо же нет?

– Как быть, если возьмут? – не на шутку «запереживала» сногшибательная красавица. – Что тогда? Всё, промозглая тюрьма, бесславный арест и долгий срок заключения?

– Не переживай, чего-нибудь да непременно придумаем, – озадаченно промышчал очарованный Майкл, – скажем, дескать, нашли недалеко от внуковского аэропорта? Сразу предупреду: держаться выбранной версии нужно будет всем до конца. Тем более что болевые пытки, при следственных допросах, нынче в России не применяют. Наводящие вопросы? Их, не переживай, ты как-нибудь выдержишь.

На том и сговорились, и начали действовать по вновь утверждённому плану. Первым делом состоявшиеся подельники отправились в ближайший автосалон, где занялись активным приобретением новенького «порше», отливавшего чёрным цветом и сильно (кое-кому) полюбившегося; в любом случае его записали на имя американского комбинатора. Пока молодой проныра оформлял принадлежности документы, непоседливая блондинка, отлично помня основную задачу, сбегала к ближайшему отделению «Сбера» (время было ещё рабочее) и перевела в израильскую больницу всю необходимую сумму единственным разом; правда, на проверку она оказалась немного завышенной, примерно на полмиллиона долларов, но выбирать особо не приходилось, и Карен, печально вздохнув, «закинула» лишние деньги (понятно, их беззастенчиво затребовал доктор, алчный и беспринципный, – ненасытный аппетит приходит во время еды). На всё про всё голубоглазой особе потребовалось не более сорока минут. За истекшее время Мишин успешно закончил отличную сделку и совсем уж засобиравшись выезжать на новомодном приобретении; но... едва вернулась Хлоя, в магазинные помещения ворвались беспардонные бойцы специальных подразделений. Ничуть не церемонясь, они мгновенно расставили непрекесаемые приоритеты и убедительно «положили» всех присутствующих на кафельное покрытие; не исключили и несравненную красавицу тоже.

Так получилось, в неудобном положении их головы оказались рядом, и Сидни успела шепнуть:

– Основная версия поменялась: деньги мои – все до копеечки! – на этом и стой.

– А ну-ка заткнулись, Вы... оба! – грозно прикрикнул замаскированный воин, своевременно заметивший, как потихоньку переговариваются двое задержанных.

Второго приглашения не потребовалось. Любому нормальному человеку прекрасно известно, что беспредельные сотрудники СОБРа никого учтиво не уговаривают и ни в чём особо не разбираются; наоборот, если возникает прямая необходимость, начинают попросту избивать, беспощадно дубасить, пользуясь личной неузнаваемостью и безнаказанной вседозволенностью.

Когда в автомобильном салоне вопросы посчитались исчерпанными (они выразились в поочередном поднятии задержанных лиц, а затем последующей их погрузке в полицейскую спецмашину), великолепная парочка оказалась препровожденной в ближайшее отделение московской полиции. По-быстрому скомпоновали доказательные материалы, собранные со строго определённым расчетом; получалось, Майкл и неизвестная сообщница похитили чемодан, до отказа набитый американской валютой и принадлежавший гражданину Америки Юргёну Мак-Когану. Поскольку «порше макан» покупал себе Мишин и поскольку оформился он непосредственно на него, постольку, не сумев причислить Карен, произвели задержание, единственно, активного похитителя. Здесь следует немного отвлечься и прояснить, что мисс Несравненное Совершенство в перерывах между стриптиз-номерах умудрилась закончить американский юридический колледж; ей выдался полноправный диплом, подтверждавший право на оказание адвокатских услуг (кстати, в прилежном освоении новой профессии она добилась немаленьких показателей). Образованная красавица моментально воспользовалась немаловажной особенностью и представилась личной защитницей Мэссона, чем убедительно (правда, всего лишь временно) исключила себя из списка подозреваемых, причастных к исчезновению заявленных денег.

Оказавшись в отделении местной полиции, гражданка Соединенных Штатов Сидни, обозначивши значимый статус, не позабыла потребовать, чтобы правоохранительные органы допрашивали задержанного клиента в присутствии как лично её самой, так и консула США (как и она, пронырливый аферист давно уже обзавёлся американским гражданством).

Пожелание выглядело настолько серьёзным, что у российских властей не нашлось ничего другого, как исполнить законные требования и соотнести необходимые процессуальные обязательства. Когда надлежащие меры оказались соблюдены, в отдельном следственном кабинете очутились американский авантюрист, мнимая адвокатесса, консул США Джонни Смит (не выделявшийся высоким ростом, имевший худощавое телосложение и достигший среднего возраста) и специально вызванный Самодовольный Юрий Иванович (он значился следователем по особо важным и постоянно служил во Внуково). Представитель правоохранительных органов виделся человеком ничем особо не примечательным: имел среднюю полноту; достиг тридцатипятилетнего возраста; являлся мужчиной невысокого роста; отличался наполовину облысевшей большой головой; обладал пухлыми, свисавшими книзу щеками; зыркал голубыми глазами, въедливыми и словно сверлившими. Основная процедура допроса началась практически сразу.

– Ваши фамилия, имя, отчество? – задавал офицер юстиции простые вопросы.
 – Его зовут Майкл Мэйсон, он гражданин США, – вмешалась нетерпеливая Хлоя.
 – Извините, я спрашиваю не Вас, мисс, а Вашего подзащитного, – неприветливо занервничал представительный следователь.

Приведя несколько пунктов, процитированных из российских законодательных актов, Сидни убедила несведущего коллегу, что имеет право консультировать недальновидного доверителя вплоть до момента, прежде чем он сам не соизволит дать хоть какой-то конкретизированный ответ. Потихоньку выяснялось, что служитель правоохранительных органов неплохо осведомлён о неких особенностях, не очень удобных при откровенном дознании, и что ерепенился он для вида, чтобы «наглые америкосы» не сильно-то зазнавались.

Когда нехитрые формальности посчитались законченными, последовал злободневный вопрос, относившийся, естественно, к мистеру Мишину:

– Господин Мэйсон, объясните, пожалуйста, удивительный факт: на каком основании при Вас обнаружена неимоверная сумма денежных средств, особо заметьте, в валютном эквиваленте – она Ваша?

Майкл нетерпеливо заёрзал, намереваясь ответить, что американская валюта принадлежит прекрасному адвокату – милой, очаровательной девушке, которая имеет честь заниматься его защитой; однако в тот же момент получил неслабый удар, произведённый каблуком ковбойского сапога и направленный в голеностопный сустав. Осуществлялся он безо всяческого стеснения и воплощался прямо у всех на виду; следовательно, пинок случился настолько болезненным, что предприимчивый проныра позабыл обо всём на свете, даже о настоящем, истинно действительном, имени. Если бы его сейчас спросили, кто он на самом деле, Майкл Мэссон или Михаил Яковлевич Мишин, то он о-о-очень бы затруднился с однозначным, наиболее достоверным, ответом.

Возвращаясь к сути, предупредительный удар наносился вовсе не для того, чтобы напрочь лишить подозреваемого плута здравомыслящей памяти, а лишь потому, чтобы ненадолго погрузить его в состояние непринужденной и забывчивой безмятежности; она не позволит отчётливо реагировать на предполагаемые в ближайшем будущем внеплановые события. Доверчивый бедолага, он вовсе не представлял, что в блондинистой голове, прекрасной и ясной, в очередной раз решительно всё поменялось и что она вознамерилась защищать проштрафившегося клиента совсем по-иному.

– Да, деньги принадлежат моему доверителю, – резко выдохнула она неожиданным ответом, пока незадачливый похититель силился улыбаться, преодолевая нехилую боль.

– Ты что?.. – заклокотал американский авантюрист, выражая явное недовольство; он передал его на ухо непредсказуемой соучастнице, едва сдерживавшись, чтобы громогласно не заорать. – Предполагалось же совсем по-другому?.. Ты чё, презренная аферистка, посадить меня, что ли, хочешь?!

– Нет, – кокетливо моргая затушёванными ресницами, простодушно ответила миловидная Хлоя; она применила испытанный способ, способный расположить к ней кого угодно (чего уж там говорить про любителя женских юбок, каким всегда считался любвеобильный проныра?), – просто во всём со мной соглашайся, и, поверь, не пройдет и десять минут, как я смогу нас обоих вытащить – респект?

Следователь не стал воспрепятствовать приватному шёпоту, проводимому меж собой двумя заокеанскими представителями и сопровождавшемуся убедительными воздействиями. Их тайные переговоры он воспринял немного иначе.

– Готовы ли Вы признаться, – настоятельно обратился он к задержанному преступнику, – что похитили денежные ассигнования, выраженные особенно крупной суммой, равной три миллиона долларов, и принадлежавшие господину Мак-Когану?

– Нет! – очумело выкрикнул Майкл, услышав знакомое имя и вмиг осознав, в какой неоднозначной ситуации он неожиданно очутился (как и всем уважавшим себя преступникам, ему было отлично известно, что Коган – один из главных российских гангстеров, представлявших криминальные интересы русской мафии на всей приатлантической территории США).

Поняв, с кем в суровой реальности вступил в опасные игры, Мэссон не на шутку перепугался; он даже предположил, что просто обязан взять короткий тайм-аут, чтобы пораскинуть мозгами и всё получше обдумать. Однако! В правилах правоохранительных органах вдумчивые передышки не то что бы были редки; нет, они исключались полностью, и решать насущные вопросы предполагалось незамедлительно, не сходя с единого места. Через десять минут словесной полемики, и без того-то неясные мысли у Мишина напрочь запутались, то есть практически вели его к признательным показаниям (лишь бы избежать жестокой бандитской расправы и попытаться загладить несоразмерную вину поспешным возвратом всех разнесчастных баксов – сколько ему не прикажут). Он уже совсем приготовился испуганно сдаться, как бес-

пардонная Карен (каким-то необъяснимым женским инстинктом она почувствовала трусливые колебания стушевавшегося подельника) ещё один раз хорошенечко «познакомила» стопу малодушного доверителя с прочностью точёного каблука; он являлся неотъемлемой частью ковбойского сапога, обутого на прекрасную, но грубую ножку.

– Молчи, лопоухий дурак, – шепнула она нежным, вкрадчивым, но убедительным голосом, не исключавшим железные нотки, – наличных денег всё равно уже нет: они отправлены по прямому назначению, и мне пришло подтверждение, что они и получены, и приняты к лечебному производству.

– Ах ты, вероломная «сука»! – заорал облапошенный пройдоха нечеловеческим голосом (несмотря на несравненные прелести, он не смог удержаться от справедливого гнева). – Ты меня просто взяла да подставила, теперь же преспокойненько хочешь упрятать в российских застенках – я же тебя насквозь теперь, поганую стерву, вижу!

– Можно ли монолог расценивать как признательный? – довольно потирая толстенькие ручонки и язвительно улыбаясь (прямо как мартовский кот) представитель российской юриспруденции продолжал задавать непривлекательные вопросы.

– Нет, – жёстко отрезала Сидни, – означенные деньги являются полноправной собственностью мистера Мэйсона.

– Не понял? – удивился Самодовольный. – И как же он умудрился провести через таможенный контроль непомерную сумму и не потрудился предусмотреть официальную декларацию?

– Вот тут Вы, господин следователь, сказали, что у одного уважаемого господина пропало три миллиона долларов, – приступила к защитной версии Карен, – я, конечно, не сомневаюсь, что он не позабыл задекларировать привезённые деньги и что вы ознакомите нас с надлежаще составленными документами – заметьте! – они обязаны быть оформлены по всем законодательным правилам. С нашей стороны доведу, что мой клиент ничего не ввозил.

– Но как же он ухитрился стать счастливым обладателем трёх миллионов долларов? – непристально хмурясь, настаивал въедливый офицер, понемногу начинавший яро чернеть. – Насколько нам известно, он уже приобрёл автомашину «порше макан», потратив восемьдесят тысяч долларов. Плюс Вы, дорогая гражданочка, оплатили недешёвую операцию младшей сестры, планируемую в продвинутой израильской клинике. Помимо перечисленного, у подозреваемого изъято девятьсот двадцать тысяч американских долларов. Как раз всё сходится и получается ровно три миллиона – пропавшая сумма.

– Господин Самодово-о-ольный, – Хлоя упивалась называть людей фамилиями, говорящими за собственных обладателей, – а Вам не могла прийти разумная мысль, что у моего доверителя, к примеру, на территории России существуют ранние накопления и что несостоятельная попытка – связать случайное совпадение заявленного хищения с недавней тратой похожей суммы – является бредовой идеей?

Поняв основную суть ведомой игры и нисколько теперь не сомневаясь, что из следственных органов выйдет целым и невредимым, Мишин «бестолково» помалкивал и воочию наблюдал, как происходит умственная борьба, проводимая среди американских и российских юристов. Если честно, сейчас его гораздо больше заботило нечто другое: что он будет делать, когда покинет «безопасные» пределы полицейского кабинета? Пока он обдумывал неоднозначное положение, Сидни всё более распалялась и добавила к предъявленным аргументам ещё один незыблемый козырь:

– Кто станет отрицать, что два дня назад, – подгоняя приведённый пример под заказанные билеты, позволяющие попасть на коронный чартер «848-й» (что вовсе не трудно проверить), продолжала беспардонная авантюристка-адвокатесса словесную перепалку, – он разрешил мне вылететь в город Москву, где в некоей деревеньке, недалёкой от славной столицы, у него имеется маленький частный домик и где, уверяю вас, располагается надёжный, скрытый

от прочих людей, тайник. В нём-то аккуратно и хранились накопленные им ранее баснословные капиталы.

– Очень интересно? – презрительно улыбнулся недоверчивый следователь. – Неужели господин Мэйсон настолько Вам, болтливая мисс, доверяет, что открыл искомый секрет потайного хранилища, где находятся настолько крупные сбережения.

– Ба?! – упивалась одержанной победой бессовестная защитница. – Разве Вам не пришло на ум, что мы собрались между собой пожениться и что в скором времени я перейду из добросовестного юриста в безмерно любящие супруги – как Вам такой расклад, а?

Нестандартный подход, предпринятый к освободительному мероприятию, удивил Мишина ничуть не меньше дотошного следователя. По мнению устоявшегося холостяка, он, и правда, надеялся немного «покувыркаться» с прелестной красоткой... но вот скоропалительная женитьба? О неприятных перспективах пронырливый авантюрист, проживший всего-навсего двадцать восемь лет, пока ещё не задумывался. Хотя-а... ещё раз оглядев несравненную Хлою, он поневоле подумал: «Если уж и выбирать себе какую жену, то только такую. Да и по мятежному духу она является близкой – вон скольких людей за единственный день развела! – а ей хоть бы хны. Впрочем, она пока не встречалась с господином Мак-Коганом...» – попытожил американский пройдоха печальную истину.

Пока он размышлял, деловитая адвокатесса продолжала защитное нападение:

– Возлюбленный воздыхатель послал меня на подмосковную дачу, где я благополучно извлекла доверенные мне нехилые денежки. Что дальше? Я встретила любимого кавалера с американского самолёта. Майкл подтвердил добросердечное милосердие, что окажет материальную помощь, необходимую на срочное излечение младшей сестры; сам же он решил купить себе новёхонькую машину, о которой грезил в несбыточных снах, но никак неоправданные траты – без меня! – не смог бы себе позволить.

Глава V. В офисе русской мафии

Изрядно запутанный следователь в конечном счёте не выдержал и, нарушая прописные истины и писанные инструкции, прямо в лоб спросил косноязычную оппонентку:

– Хорошо, а ложное сообщение о вероятном взрыве, якобы ожидаемом в аэропорту Шереметьево – это тоже не Ваша озорная идея, мисс Карен? Ах, да?! Наверное, кто-то другой придумал хитроумную уловку, изрядно, заметьте, поднадоевшую, и ловко перевёл незапланированную посадку во Внуково – не так ли? Помимо прочего, Вы ведь, конечно, знаете, что любые телефонные разговоры, ведущиеся с самолётных бортов, подробно записываются. Мне достоверно известно, что Мэйсон, перед самым приземлением, Вам позвонил. Теперь ответьте: о чём именно Вы беседовали? Хотя можете не утруждаться... Я и так хорошо осведомлён о ваших переговорах – вы обсуждали внеплановую смену маршрута.

– Ну и что? Наши приватные разговоры – личное дело, – спокойно отвечала невозмутимая Хлоя. – Вы можете сто раз прослушать и тысячу раз переслушать, а если найдёте в простой беседе чего-то предосудительное, то предъявите в прямую вину. Уверю, в незатейливом трёпе, ни о чём конкретном не говорящем, Вы криминального ничего не услышите – то случилась частная, исключительно деловая, беседа.

Пушай у него ничего и не получалось, но представитель правоохранительных органов стремился любыми путями додавить разговорчивую противницу:

– Вы неправы. У нас существует уличная видеозапись, где Ваш двуличный клиент, балаганный фокусник, эксцентрично подменяет идентичные чемоданы и где его ловкие телодвижения прекрасно запечатлелись на замедленной записи.

Хлоя оказалась отнюдь не наивной дурочкой и в тупиковую безвыходность её не поставило даже серьёзное, если не явное обвинение. Она саркастически усмехнулась. Ей только-только пришлось на цепкую память, как на одной из последних лекций показывали, что, при резкой подмене предметов, остаётся запись невзрачная, смазанная; она ничуть не пригодна для приведения в качестве бесспорного доказательства. Вспомнив о важном условии, она уверено заявила:

– Не сомневаюсь, мы говорим сейчас о посредственном монтажё, а потому выставять означенную фикцию да выдавать её за непреложную истину, я бы – окажись на Вашем месте – скорее всего, не решилась. Предупреждаю: любую сфабрикованную фантазию я собираюсь красиво разваливать. Могу уверить, заявленная туфта исключается запросто – как грецкий орех щипцами расплющить! – эффектно моргая лукавыми глазками, заверила Карен российского следователя. – Так что на сомнительном видео основную ставку я делать бы не отважилась – у Вас всё или имеется чего-то ещё?

«Пронырливая стерва не так уж проста и совсем неглупа, как могла бы показаться вначале, – рассудил про себя задумчивый Мэссон. – Действительно, в Шереметьево передаточная бандитская схема отладилась до завидной техничности, поэтому навряд ли бы там чего получилось – пусть даже и у такого опытного авантюриста, каким слывет Миша Мишин». Молчаливо размышляя, он утвердился в настойчивой мысли, что перенос основного действия во Внуково явился правильным, всецело логичным. Единственное, тяжкая тоска, предрекавшая неминуемую встречу, крайне неприятную и ожидаемую с господином Мак-Коганом, не отпускала его ни на единственную секунду.

Противоречивые рассуждения, захватившие незадачливого проныру, стали возможны, потому как в следственной комнате, где вёлся пристрастный допрос, наступило временное затишье. По-видимому исчерпав весомые аргументы, способные удержать великолепную парочку в полицейском участке, Самодовольный, в обычных условиях поступивший бы как-то неординарно, в настоящем случае смутился непосредственного присутствия американского

консула. Глубокомысленно замолчав, он обдумывал следующую затейливую уловку. Хлоя, почувствовав его немалую неуверенность, изогнулась словно пантера, грациозная и изящная, приготовившаяся к прыжку, и медленно переменила прежнее положение; она приблизилась к обалдевшему следователю и с наигранной наивностью захлопала кокетливыми глазами, украшенными накладными, изысканно затушёванными ресницами. Глядя прямо в наглые очи, беспардонные и нахальные, ну! в точности, как у неё, Сидни ехидно заметила:

– Теперь, может быть, перейдём к скомпонованному делу и перво-наперво ознакомимся с валютной декларацией, подтверждающей правомерный ввоз в страну трёх миллионов долларов, осуществленный гражданином Мак-Коганом. Надоело играть в беспросветную «угадайку»! Посмотрим официальный документ, и сразу же станет ясно, есть ли нам чего-нибудь предъявить или же нет.

– Мне нужно проконсультироваться с вышестоящим начальством, – заявил Самодовольный и, собрав немногочисленную документацию, «пулей» выскочил из допросного кабинета.

– Ловко ты их, – восхитился Майкл, всё больше привязываясь к своевольной адвокатессе, – даже я не придумал бы ничего убедительней.

– Это вовсе не глупая выдумка! – резко осаждала амбициозная защитница несознательного клиента. – Всё, что мной сказано, – одна сплошная истина, голая правда! Не забывай, и у толстых стен имеются тонкие уши.

– Твоя правда; я, кажется, тебя понял, – неуверенно заверил Майкл Мэссон, понимая, что допустил непростительную, ежели не губительную ошибку, – извини, просто я немного подшутил над полицейскими «самоуверенными болванами».

Пока Мишин с неотразимым юристом высказывались незначительными претензиями, всполошённый следователь направился к главному прокурору; он намеревался согласовать немедленное задержание хотя бы, единственно, американского афериста. Государственный обвинитель Корнилов Василий Иванович являлся заслуженным работником юридической сферы; он виделся нестарым ещё человеком, едва приблизившимся к пятидесятилетней отметке. Высокий, стройный, всегда подтянутый, не имевший вредных привычек, – всем презентабельным видом статный мужчина представлял убедительную, долгими годами сложившуюся, уверенность. Описывая внутренний мир, он считался образцовым, исполнительным, настырным, дотошно принципиальным; было бы странно, если бы оказалось, что, непримиримый к любому нарушению существовавшего закона, тот человек пошёл на сделку с ничем не запятнанной совестью. Вот и теперь, подробно изучив неубедительные материалы, представленные Самодовольным, он лично удостоверился, что они не содержат ни маленького намека, чтобы ввезённые капиталы были хоть как-то задекларированы (ну, или имели под собой законную подоплёку). Прокурорский сотрудник недовольно нахмурился. Но! Частная собственность есть охраняемые законом гражданские интересы, и он пустился в глубокий анализ. По собранным документам проходила версия идентичная, как и у Мэссона, что, дескать, похищенные деньги у Когана являлись чисто российскими и что он просто везде возил их с собой. О камере слежения принципиальному руководителю, естественно, не докладывалось. Из собранных материалов выходило, что Юрген прибыл во внуковский аэропорт с серебристо-стальным чемоданом, под завязку набитым американскими долларами, и что он ни на секунду с ним не расстался. Изучая немногочисленную документацию, добросовестный прокурор прояснил, что нерадивый заявитель нежданно-негаданно обнаружил в руках чужой чемоданчик, доверху набитый различными мужскими аксессуарами, гигиеническими надобностями и носимыми предметами личной необходимости. Ещё оказалось, что Мишин не выглядел настолько тупым, чтобы положить в подменный кейс «палённые» вещи и чтобы оставить характерные частички, способные впоследствии на него хоть как-нибудь указать. В похожих случаях «левые» объекты заполнялись исключительно новыми принадлежностями, не позволявшими идентифицировать конкретного человека; в момент же проведения основной операции на ловких ручонках

предусмотрительно находились телесные резиновые перчатки, тонкие, плотно прилежавшие и ничуть не заметные. Когда на прокурорский стол легли бесспорные экспертизы, гласившие, что на чемодане, изъятом у Когана, нет никаких других следов, кроме собственных да незадачливого охранника, Василий Иванович не на шутку разгневался. Он понял, что все «весомые доказательства», указывавшие на преступное посягательство, – это голословное заявление Юргена, которое указывало, что якобы у того пропала аналогичная сумма, и которое подкреплялось неподтверждённым предположением, что Мэссон является авантюристом средней руки (то есть у него просто не может существовать трёх миллионов долларов). Возвращая хлипкие протоколы на срочную доработку, ответственный рецензент чуть ли не по лицу заехал ими Самодовольному, недовольно швыряя недостаточные документы обратно:

– И ты, Юрик, приходишь ко мне с бездоказательной ахинеей, чтобы произвести процессуальное задержание, да ещё и иностранного гражданина? Да знаешь ли ты, что уже завтра, в суде, его выпустят, а против нас накатают «интернациональную телегу», от которой мы и вовек не отпишемся. Не исключается, что и в поганую Америку не единожды придётся скататься – извиняться за неправомерные действия, предпринятые по отношению к ихнему законопослушному, самому почтенному, гражданину, – он, разумеется, ёрничал.

– Но здесь же несомненная кража, – настырно настаивал подкупленный следователь, – и думать не стоит! Просто поглубже рассматривать приведённые факты: во-первых, «поют» сильно складно, значит, договорились значительно раньше; во-вторых, американскую адвокатуру заранее нанял, хотя своенравная деввица, скорее, является его потенциальной сообщницей; в-третьих, касаясь сомнительного юриста, часть украденных денег она в момент перевела за границу, чтобы инициировать дорогостоящую операцию, необходимую младшей сестре. Да и... консул этот, штатовский, постоянно мешает, – не имея более ничего существенного добавить, он попросту сетовал, – никакой возможности нормально работать!

– Я согласен, дело здесь явно нечистое... Потом, слишком странная переброска наличных денег – незаконный ввоз, без оформленной декларации... – непроизвольно задумался прокурор. – Моё личное мнение таково: выписывай невыездную подписку – всем, в том числе и Мак-Когану! – и копайте, копайте, копайте. О немедленном задержании – сам должен понимать? – думать пока рановато. Чем быстрее соберёте неопровержимых улик, тем быстрее придёте ко мне за дополнительной консультацией! – сказал твёрдо, решительно, а про себя чуть слышно добавил: – Ещё неизвестно, при каких делах окажется подозрительный заявитель?.. Тоже тёмная личность.

– Вы что-то сказали? – напрягая чувствительный слух, спросил Самодовольный, предполагая, что ему отдают какие-то указания.

– Нет, ничего, – сухо ответил Корнилов, – идите работать. Американских гостей пока необходимо освободить – это понятно?

– Да, конечно, – подтвердил досадливо опечаленный следователь.

Вернувшись от беспристрастного прокурора, раздосадованный юрист, не выказывая особенной радости, разрешил присутствовавшим людям немедленно расходиться; предварительно он дал им всем расписаться в процессуальных, ранее составленных, документах. Не приобщился к уголовному делу и транспортный ПТС, полагавшийся ко вновь приобретённой автомашине «порше», потому как веских оснований удерживать её в органах внутренних дел не имелось, по существу, никаких. Точно так же поступили с оставшимися деньгами, за всеми вычётами составлявшими сумму девятьсот двадцать тысяч американских долларов. Заокеанскому консулу задерживаться дольше стало бы незачем, и он отправился восвояси, торжествуя, что непобедимая «американская машина» вновь выиграла в России очередную нелёгкую битву.

По несложным описаниям, разъяснявшим, где находится платная автостоянка, Мэссон легко нашёл полюбившуюся машину и, натужно выдохнув, устроился за рулевым управлением. Чувствуя некоторую вину, Сидни осторожно пристроилась сбоку; она неплохо понимала, что

между ней и Майклом назревает непростой разговор. Как только температура в транспортном средстве стала комфортной, Мишин заговорил:

– Ты хоть понимаешь, в какую ужасную историю мы разом попали? Полоумные придурки! Мы украли деньги не у каких-то никчёмных бандитов, нет! Запустили «шелудивые» ручонки в пресловутый «бандитский общак», что равносильно прямому самоубийству. Ты умирать, что ли, собралась, неопишная красавица, а?

– Меня Хлоя зовут, – пристыженная девушка, ставшая преднамеренной соучастницей, сочла, что пришла пора сообщить наиболее приятное имя, – понимаешь, – говорила она, едва ли не плача, – если бы я не нашла поганые деньги, то младшая сестрёнка непременно б погибла.

– Хорошо, допустим, отчасти ты ей сейчас помогла – разумеется, ты молодец! Вот разве умереть теперь придётся тебе – и это вся суровая разница! – пессимистично настраивал Мэссон, вгоняя в безвыходную тоску и себя самого, и прекрасную спутницу. – Да и мне заодно, до полной кучи, чтобы нескучно. Никто не поверит, что, дескать, я не знал, на кого конкретно бессовестно покушаюсь, когда воровал те злополучные деньги. Заранее обреченную версию лучше даже не выносить!.. Что делать-то будем, а?

– Не представляю! – заливаясь слезами, рыдала печальная Сидни. – Может, куда-нибудь свалим, ну, скажем, в глубокую заграницу? Как следует спрячемся, временно отсидимся, а потом, когда зловещая беда поутихнет, снова объявимся.

– Утопия полная, – раздражённо усмехнулся растерянный Майкл, – найдут, и тогда окажется значительно хуже. Кстати, не забывай, что твоя больная сестра находится в израильской клинике, настолько неотдалённой, что раз про неё осведомлён простой российский следователь, то преступные авторитеты – те и подавно.

Мишин машинально тронулся в путь и какое-то время бесцельно колесил по необъятной столице. Вдруг! Уже минут через тридцать он взволнованно сообщил, что за ними привязался нежелательный хвост, слишком навязчивый и никак не желавший благополучно соскакивать; по-видимому, он вёл их, надеясь вычислить истинное местожительство, где они квартируют. Наконец, через пару километров, затянувшийся спектакль изрядно наскучил: из первого, по ходу движения, перекрёстка выскочила чёрная, сугубо мрачная, иномарка, резко перекрыла «порше макану» переднее направление; сзади же подъехал массивный внедорожник, организовавший преследование и успешно перекрывший пути, ведущие к благонадёжному отступлению – всё проводилось по-бандитски, профессионально, без проволочных недоработок. Из каждой автомашины вылезло по трое бритоголовых парней, выделявшихся неприветливым, а заодно и внушительным видом. Особо не церемонясь, извлекли Майкла и Хлою наружу и разделили их по разным машинам. Одного преступника посадили за управление новёхонького кроссовера, и противозаконная кавалькада тронулась в путь, следуя друг за другом.

Захваченных заговорщиков привезли к приличному многоэтажному зданию. На скоростном лифте, в сопровождении мощных «телохранителей», хныкавшую девушку и дрожавшего искателя приключений подняли на последний, самый верхний, этаж – это нетрудно просчитывалось по характерной стрелке, периодически загоравшейся и обозначающей каждый отдельный ярус. Положение выглядело настолько серьёзным, что, направляясь в главный офис российской мафии, «состоявшимся претендентам на вероятную смерть» даже не завязывали глаза, так как никто не сомневался, что живыми они отсюда не выберутся. В действительности, когда подъёмное устройство достигло конечной точки и когда звероподобные бандиты провели несчастных пленников в респектабельный офис, мистер Мак-Коган, массивно восседавший за длинным столом, позволил прочувствовать всю ужасную силу нескончаемо страшного гнева. Нимало не церемонясь и активно употребляя нецензурную брань, он заорал так громко, что едва (наверное?) не обрушил наружные стены:

– Вы что, бездумные олухи, совсем обалдели?! Вы почему их сюда доставили с открытыми зенками?! Всем давно указано, что к главному боссу посторонних людей приводят лишь

в исключительных ситуациях, и в режиме полной секретности! Хорошо, если «паскудные америкосы» нашей многообразной Москвы не знают, а ежели вдруг, окажется, знают?! Кто-нибудь сможет за их блаженное неведение взять да мне сейчас поручится, ну?!

– Юрий Карпович, – послышался спокойный, уверенный голос, имевший настолько властные интонации, насколько невозможно было им хоть как-нибудь воспротивиться, – давайте, пожалуйста, тише. Я полагаю, наши чудоковатые ребята осознали допущенную ошибку и больше с их стороны такого не повторится.

– Действительно, босс, мы всё поняли, босс, – заверил Когана огромный верзила, имевший звериную физиономию и походивший на жуткого монстра, – мы просто подумали, что раз им отсюда не выйти, то зачем конспирировать ходячие трупы, которые и без того никогда и никому ничего не расскажут.

– Ты так подумал, Верзила? – злорадно улыбаясь, обратился к нему Мак-Коган заслуженным прозвищем. – А представляешь ли ты, сообразительный тугодум, – он злорадно язвил, – сколько они задолжали нам штатовских денег?

– Нет, – неуверенно ответил поникший преступник.

– То есть ты не в курсе, сколько с их непосредственной помощью пропало из «братанского общака»? – продолжал Юрий Маркович, делая особый упор на последнее сочетание. – Правильно ли я тебя понимаю?

– Совершенно верно, – заверил Верзила, погружаясь в задумчивость и начиная нервно подрагивать (он прекрасно осознавал, какую, жуткую, совершил оплошность, а главное, какая незавидная участь его незадолго ожидает), – что теперь делать-то – может, возможно всё как-то исправить?

– Стоп! Если я не ошибаюсь, Вы ни об чём не знаете? – поинтересовался Юрген, обращаясь к послушным пособникам. – В общем, идите пока постоите за дверью, предприимчивых же проказников оставьте у нас: мне с ними необходимо обстоятельно побеседовать, – заулыбался Мак-Коган, обращаясь лично к Майклу, а заодно и к прекрасной подружке.

– Ну что, господа воровские любители, – начал он со вступительной речи, не сулившей ни доброго, ни хорошего, – я называю вас так потому, что хотя вы и провернули ловкую комбинацию как будто бы незаметно, но тем самым совершили великую глупость. Какую? Вы, полные недоумки, посмели покуситься на хищение денежных капиталов, какие принадлежат преступной организации, крупной и грозной, одной из самых, в современном мире, могущественных. Да, да, презренные голубки, русская мафия славится по всему мировому сообществу и никто – вот так запросто! – не рискует с нами тягаться. Но вы, бездумные идиоты, вдруг почему-то решили, что вам дозволено безнаказанно запустить поганую «лапу» в наши священные накопления.

– Мы не знали, что доллары Ваши, – робко возразил вконец перетрусивший комбинатор; он отлично осознавал, что отпираться полностью бесполезно, напротив, требовалось искренне повиниться и попробовать найти вариант, выгодный для обеих сторон, – изначально предполагалось, что капиталы государственные; а обкрадывать «проклятых чинушей» – никогда не считалось заторным.

– Что за полную ахинею ты мелешь? – зарычал безжалостный гангстер, опять начиная нервничать и хватаясь за карманный пистолет «Vereta pico», – ты мне хочешь втереть, что не ведал, чьи наличные баксы вы счастливо прикарманиваете – так, что ли, прикажешь, тебя понимать?

– Да, – несмотря на грозное оружие, откровенно ответил Майкл Мэссон, – неужели Вы допускаете, что, имея внушительную преступную практику, я бы рискнул позариться на стрёмные, излишне опасные, деньги?

– Объяснись, почему ты вдруг решил, что доллары не бандитские? – прогрохотал из-за шторы громоподобный голос, леденивший душу и вызывавший большую тряску. – Что тебя к неподтверждённому факту подвигло?

Перепугавшийся до степени полуобморока, пройдоха вдруг замолчал и искоса посмотрел на не менее струхнувшую компаньонку; он ожидал, что в разъяснительную беседу вступит теперь она, а попутно расскажет, что же случилось на самом деле. Но! Она либо в высшей степени перетрусилась, что даже потеряла дар речи, либо просто-напросто смирилась с неотвратимой судьбой и, опустив пониже бедовую голову, молча стояла – практически не подавала признаков жизни. Единственное, что непроизвольно бросалось в глаза, как она с силой давит холёными ногтями в миленькие ладошки и как потихоньку сочится багряно-алая кровушка.

– Ладно, – пробурчал недовольный мистер Мак-Коган, – можешь особо не напрягаться и не ждать от насупленной подельницы признательных монологов, тебя все едино никак не оправдывающих. К чему я сейчас говорю? Ты, отпетый авантюрист, сам должен был убедиться, что за бесценный груз собираешься грабануть – или, может, я в чём-то неправ?

– Прав абсолютно, – нехотя согласился Мишин, – но как нам искупить нескончаемую вину – есть же, наверное, какой-то особенный способ?

Глава VI. Сделка

Разносторонние участники знаковой, едва ли не исторической «консультации» ненадолго замолкли. Каждый собирался с насущными мыслями и выдумывал, как в непростой ситуации выторговать себе побольше сомнительных привилегий. Продолжил Мак-Коган:

– То недостаточное условие, что твоя «застенчивая» подружка «набрала в рот воды» и молчит «как рыба об лёд», самурайской чести несколько не делает. Всем очевидно, что развела она тебя, как последнего лóха, подписав на изначально гиблое дело.

От произнесённых слов Мэссона сильно залихорадило. Он прекрасно осознавал, что злобный рассказчик недвусмысленно намекает на непереносимое отнятие жизней и что имеет в виду двух отмороженных наглецов, посмеявшихся запустить «паршивую» ручонку в «священный общак». По всем преступным канонам óное считалось делом варварским, неслыханным, абсолютно недопустимым. Поникший плут заочно приготовился к неминуемой гибели. Вдруг! Из-за шторы, непроницаемой и глухой, прозвучал гробовой, если не замогильный голос, не знавший никаких возражений; правда, сейчас он казался чуточку ободряющим:

– Я полагаю, убивать провинившихся человечков пока нежелательно – нецелесообразно и несколько преждевременно. Необходимо поручить им пополнить растроченные запасы и, как водится в аналогичных случаях, с увеличением вдвое.

– Как удвоить?! – не удержалась возмущённая девушка, взрываясь как бомба и брызгая бриллиантовыми слезами. – Но это же невозможно!

Майкл больно уцепил Карен за левую руку, молчаливо предупреждая, чтобы она побольше молчала, поменьше говорила и настороженно слушала – раз уж избрала немую тактику, применяемую к ведению неприглядного диалога. Лично себе молодой человек уяснил, что вначале им требуется отсюда выйти, и желательно не изрядно потрёпанными (для пущей убедительности принято избивать); а оказавшись на вольном воздухе, они уж что-нибудь да непременно придумают.

– Вы, миленькая девушка, видно, не пóняли?.. – холодил в жилах кровь громогласный говор, звучавший из-за портьеры. – Тем более Вам не следует забывать, что в израильской клинике находится Ваша очаровательная сестрёнка, которой успешно сделали долгожданную операцию и которая уверенно пошла на поправку. Не стоит, наверное, вводить Вас в курс дела – Вы, я уверен, и сами давно догадались? – что обслуживание Ирочки находится под нашей надёжной опекой. Чтобы с ней – не дай-то Бог! – чего не случилось, ни Вам, ни пронырливому приятелю непростительных ошибок совершать, безусловно, не стоит. Понятно ли я сейчас излагаю?

– Да, – убедительно заверила Хлоя, испугавшись за родную сестру и моментально взяв себя в руки, – что от нас требуется?

– Вот это уже деловой разговор, – прозвучал довольный голос, доносившийся словно из неоткуда, – Юрий Маркович объясни, пожалуйста, несведущим бедолагам, что им конкретно следует сделать.

Воспользовавшись представленным шансом, слово взял Юрген Мак-Коган:

– Как точно известно, Вы ни на йоту не испытываете друг к другу каких-нибудь тёплых чувств и нескончаемо далеки от дружеских отношений; так получилось, вы являетесь простыми поделщиками, участвующими в обоюдовыгодной «делюгё». Играть на том условии, чтобы кого-то оставить ценным заложником, а кого-то заставить добыть растроченную валюту? По-моему, и глупо, и полностью безнадёжно. Вы спросите – почему? Нет ни мизерной убеждённости, что тот из лукавых участников, кого мы отпустим, не воспользуется уникальной возможностью и не свалит куда-нибудь за границу. Хотя, скажу честно, любое отступление окажется бесполезным: мы всё одно хитро выделанного мерзавца найдём, а следом жестоко

накажем. Правда, на нежелательные поиски потребуется затрачивать излишние и силы, и средства, и время; а подобная роскошь – при нынешнем-то кризисе! – выглядит целиком неоправданной и считается слишком накладной.

«Это у вас-то денежный кризис?» – мысленно улыбнулся Мэссон. Вслух сказать ничего не посмел, а наоборот, почтительно выслушивал самодовольные речи новоявленного наставника, мафиозного предводителя. А тот говорил и говорил, как будто не иссякал:

– Со своенравной девницей возникла неплохая зацепка – её больная сестрёнка, которая в течении целого месяца останется «прикованной» к больничному ложу. В её случае, мы совершенно спокойны: мадам никуда исчезнуть не сможет. Но как быть с тобой, Майки? Мы осведомлены – ты птица вольная, и если вдруг решишь «полетать», то придётся основательно потрудиться, чтобы снова тебя поймать, – он на минуту замолк, нагоняя побольше зловещей интриги, а следом недружелюбно дополнил: – И как быть при неудачном раскладе – я просто не представляю... может, мне кто-нибудь объяснит?

– Я!.. Я могу за него поручиться, – неожиданно высказалась предельно убеждённая Хлоя. – Он никуда не исчезнет, а так же, как и я, будет ответственно, с присущей долей азарта, искать валютные ассигнации, необходимые для нашего благополучного откупа.

– Откуда сплошная уверенность? – удивились Мак-Коган и страшный голос из-за портьеры.

– Пока он нежно посапывал – там ещё, в далёкой Америке, – приводила Сидни пылкие заверения, – я – впрочем, как и любая стриптизёрша, отдаваемая состоятельным клиентам для похотливого убажания – не пропустила удобного случая, чтобы удержать неодолимый соблазн и чтобы не порываться в «глубоких карманчиках». И о чудо! Нашла некую значимую вещьцу, личную собственность бессердечного друга. Уверена, дабы заполучить дорогую безделушку обратно, он сделает самую гнусную гадость, какую ему не скажут, и с удвоенным пылом.

– Интересно, – озадачился Юрген, – что может обязать вертлявого интригана, чтобы он настолько потерял практичную голову? Надеюсь, смазливая подружка, не твоя неотразимая внешность; не то – если ты делаешь базовую ставку именно на неё? – аргумент останется недостаточным, слабеньким, зыбким.

– Нет, – уверенно заявила Хлоя (Михаил тем временем усердно осматривал многочисленные карманы, и по удручённому лицу становилось видно, что он не находит нечто, для него дорогое, бесценное, важное), – это некий ключ, подходящий к секретной ячейке, где, я не сомневаюсь, находятся вещи, не совсем для Мэссона безразличные... Извини, Майки, – обратилась вероломная бестия, – я не могла поступить иначе: мне сильно понадобилась хоть чья-нибудь помощь.

– Аха-ха-ха! И где сейчас находится тот чудодейственный ключик? – надрывался Коган от неумённого смеха; он понял, предусмотрительная милашка настолько надёжно зацепила Мишина на «липкий крючок», насколько ни при каких условиях с него не соскочит (по крайней мере, пока не сделает необходимую непростую работу). – Отдай его нам: мы сможем сохранить его и гораздо надёжнее, и значительно лучше.

– Как раз о чём-то похожем я думала, – надменно заметила своенравная мисс, – поэтому спрятала бесценную вещьцу подальше, когда находилась на территории Соединённых Штатов Америки. Как понимаете, при себе я ничего не имею.

– Дело твоё, – раздался сухой, леденивший кровь, голос, звучавший из-за мрачной портьеры, – только если ненадёжный прохвост-дружок нежданно-негаданно свалит, то доделывать сложную работёнку придётся самой, и совершенно одной. Не забывай, нам известно, где находится больная сестра! Бесноватый прохвост?.. Мы его со временем словим, но – возьму на себя смелость заметить – ничто ему уже не поможет. В назидание дам тебе, доблестная подруга, лаконичный, но дельный совет, – страшный глас зазвучал немного мягче, – пока все основные

участники здесь, лучше проверь: так ли надёжно ты удерживаешь возле себя проныру Мэсона? Это тебе мой личный подарок и дорогая услуга.

Говоря последнюю фразу, первый человек русской мафии руководствовался больше собственными финансовыми потребностями, чем старался кому-то помочь, пусть даже и милой, и несравненно обаятельной девушке; по его разумению, терять невероятные деньги представлялось непозволительной роскошью. Понятное дело, преступный босс хотел убедиться, что авантурный тандем состоялся, что он останется в полном составе и что молодые люди как можно быстрее постараются добыть профуканную валюту. Если честно, в ничтожную вероятность (будто бы проворный аферист и смазливая девушка достанут шесть миллионов) мало кто верил; но пусть вернут хоть какую-то часть, а там уж настанет время расправиться с дерзкими наглецами по-свойски, то бишь убить их без тягостных сомнений, длительных проволок. Аккурат предусмотрительная предосторожность и подталкивала преступных авторитетов к немедленному разрешению всех важных вопросов (чтобы потом не гоняться по бескрайнему миру за ненадёжной, вчистую сомнительной, парочкой).

Когда образовалась уверенность, что предприимчивый аферист и белокурая дамочка никуда друг от друга не денутся (наоборот, оба они будут активно сбивать американские сапоги, дабы возместить причинённый ущерб), основной инструктаж решили заканчивать. Под окончание познавательной речи, Мак-Коган соизволил пространно распространиться:

– Подводя неутешительные итоги, вы покусались на «священный общак» и забрали оттуда три миллиона долларов. Люди вы, неглупые, и, без сомнения, знаете, что любые деньги непременно должны себя отрабатывать. Получается, вам двоим, взявшим определённую сумму – скажем так, в долг? – в течении одной недели потребуется вернуть двойную партию потраченных долларов, или ровно шесть миллионов. Что может случиться в противном случае – я даже представить сейчас не берусь! Связь будем поддерживать по мобильному телефону, – он передал унылой блондинке, которой (по понятным причинам!) доверял значительно больше, сотовое устройство, объяснив его прямое предназначение: – В его внутренней памяти забит единственный номер – соответственно, мой. Возникнет необходимость – звоните. Без особенной надобности постарайтесь лучше не беспокоить: бандиты мы, занятые, и на пустую болтовню возможностей не имеем. Усё ли вам ясно, «дорогие», мои компаньоны? – издевательски улыбаясь, обратился он к новоиспеченным членам крупной преступной организации.

Те молча покивали понурыми головами, подтверждая, что оговоренные позиции приняты к беспрекословному сведению. Молчаливый ответ почему-то не устроил Мак-Когана. Повысив зычный голос и сдвинув к переносице строгие брови, повторный вопрос он угрожающе прорычал:

– Я не слышу: всё ли Вы ясно поняли?!

– Да, да, – хором ответили молодой человек и белокурая девушка.

– Вот так-то намного красноречивее, – успокоился босс российской мафии, имевший в криминальном клане вторые позиции, – а то машут тупыми башками, словно плюшевые жирафы, – не поймешь, «чи» вы поняли, а «чи» нет? Ну, раз всё ясно, задерживать вас более не смею и предоставляю полную свободу продуктивных передвижений. Тем более что во времени вы теперь, сами понимаете, значительно ограничены.

Едва договорив, он поглядел на входную дверь и громко воскликнул:

– Верзила, будь добр, зайди!

Выполняя короткое указание, тот поспешно вошёл в просторное помещение и встал, послушно ожидая, какие поступят распоряжения. Дисциплина в мафиозной организации представлялась более чем железной, и попусту молотъ беспечными языками было не принято.

– Верзила, отвези их отсюда подальше, – недвусмысленно посоветовал Юрген, – только, будь любезен, любопытные zenки завязать им всё-таки не забудь, – промолвил громко, а для себя прошептал: – Хотя и живут основную часть жизни где-то в Америке, но – кто его знает? –

какая у них феноменальная память да удивительная сообразительность; ещё, чего доброго, вычислят, да потом натерпишься от них каких-нибудь нешуточных неприятностей. Издревле считается, что «шуганутые» люди, за́гнанные в угол, очень опасны; они способны совершать необдуманные, а подчас и лихие поступки. Да, правильно, чем меньше знают, тем крепче спать, – привёл он известную поговорку.

Предварительно завязав им обоим бесстыжие очи, и Мэссона, и прекрасную спутницу спустили на лифте вниз, в гаражное помещение. Там посадили в ужасный автомобиль, похожий на катафалк, и предложили «совершить экскурсионно-познавательную прогулку, нечаянно организованную в Москве».

Верзила, придумавший нехитрую шутку, беззаботно расхохотался, уподобившись буйнопомешанному; он поразился личному измышлению, сочинившему ему, по правде, очень тупую шутку. Другие бандиты, сопровождавшие преступного бригадира, не преминули с ним согласиться и присоединились к беспечному смеху, разразившись услужливым гоготом. Оценивая юмористическое искусство, Майкл насмешливо хрюкнул, а Сидни повертела пальчиком у виска; она яснее-ясного показала, какое сложилось мнение, выраженное по отношению к недоразвитому бандиту.

– Что, сильно умные? – громогласным басом заверещал могучий Верзила. – Не нравится простая ирония? Ну, ничего, через неделю, когда вы не выполните возложенную работу, я посмеюсь, как главные боссы расправятся с Вами.

Тем временем оба верховных преступника уселись за длинным столом. Павел Аркадьевич так и продолжал оставаться в маске, делавшей его безликим и выделявшейся мрачноватым оттенком. Сказать по правде, особенной необходимости видеть его лицо ни у кого из членов криминальной организации никогда и не возникало: его и без того узнавали по громогласному гласу, леденившему кровь и наполненному замогильными интонациями. Стоило только заговорить, и никто уж больше не сомневался, что общается с первым лидером русской мафии.

Оказавшись наедине, главный босс, обращаясь к Юргену, отобразился невольным сомнением:

– Что-то как-то мне неспокойно – нужно организовать за хитро сделанными придурками незримую слежку... аккуратную, но чтобы каждый их шаг был бы нам сразу известен! Кого отправишь?

– «Пропасти» лучше всех сумеет кто-нибудь из подручных людей Верзилы, – рекомендовал многоопытный бандит очевидного кандидата, – если уж не звеньевому бригадиру, то кому тогда знать вверенных «пацанов»? Он легко отыщет нужного человека, какой не единожды отличался в ответственных операциях и какой зарекомендовал себя, как исполнительным, так и сознательным.

– Хорошо, – согласился Павел Аркадьевич, – только, глядите, чтобы важное мероприятие обошлось без нежелательных проволочек и неприятных сюрпризов... что-то я сильно сомневаюсь, что они найдут те баснословные деньги? Как бы дров не наломали, каких, а нам потом не пришлось бы разгребать да расхлебывать.

Замечание выглядело уместным, вполне справедливым, поэтому Карат набрал на мобильном устройстве упомянутого громилу и отдал ему категоричное приказание, зашифрованное на бандитский манер, но хорошо обоими понятое. Тот переложил замысловатую обязанность на другие, менее весомые, бандитские плечи – позвонил одному из ближних подельников:

– Малой, – так звали штатного шпика преступного клана, – необходимо поинтересоваться одной любопытной парочкой: первый – мужчина двадцати восьми лет, стройный, красивый; вторая – двадцатилетняя блондинка божественной внешности. Передвигаются на чёрной иномарке «порше» макан, правда, без государственных номеров. Объекты начнут движение от Внуковского аэропорта.

В ответ поступило однозначное подтверждение, что несложное указание понято правильно и что оно исполнится в надлежащем виде. Большой бандит прекрасно знал, куда направить тайного соглядатая, потому как Мак-Коган, проводя дополнительные инструкции, выдал исчерпывающие инструкции:

– Верзила проводи их до Внукова – до места, где происходила общая высадка.

– Но я вроде не знаю?.. – сказал озабоченный бандит чистейшую правду.

– Тогда, когда подальше отъедите, – продолжал настаивать Юрген, – снимите с нахальных глазок повязки – они сами вас приведут куда нужно. Да и!.. Посматривайте, чтобы вас не надули, – в интересующем месте, в заградительной сетке, имеется характерное повреждение, – закончил распоряжаться и полушёпотом добавил, лишь для себя: – Как занимаются рабочим ремонтом у нас, на Руси, его, наверное, ещё не заделали.

Глава VII. Несбыточные планы

Малой приехал к указанной точке первым; он находился на расстоянии более близком, чем остальные сообщники, осуществлявшие доставку авантюриста и восхитительной спутницы. Закоренелый бандит, он представлял невысокого, но коренастого человека, успешно достигшего двадцатичетырёхлетнего возраста; смотрелся не в меру энергичным, пронырливым, резким в движениях; обладал непринуждённой, слегка подпрыгивавшей, походкой. Круглое лицо казалось глуповатым, книзу немного вытягивалось; оно отмечалось маленьким носом, расположенным промеж серых, слегка зауженных зенок, хотя и неумных, но выдавших немалую хитрость. Чтобы ничто не стесняло, одеваться предпочитал в чёрный спортивный костюм; поверх него неизменно красовалась коричневая потрёпанная кожанка; из-под неё виднелась оперативная кобура, снабжённая безотказным пистолетом ТТ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.